

На правах рукописи

Николаева Наталия Геннадьевна

**БОГОСЛОВСКИЕ ПЕРЕВОДНЫЕ ПАМЯТНИКИ
В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**

10.02.01 – русский язык

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань – 2008

Работа выполнена на кафедре истории русского языка и языкознания ГОУ
ВПО «Казанский государственный университет имени В.И.Ульянова-Ленина»

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук профессор
Баранов Виктор Аркадьевич

доктор филологических наук профессор
Дмитриева Ольга Ивановна

доктор филологических наук профессор
Колесов Владимир Викторович

Ведущая организация:

**Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского**

Защита состоится « 20 »__ноября__ 2008 г. в _____ час. на заседании
диссертационного совета Д 212.081.05 при государственном образовательном
учреждении высшего профессионального образования «Казанский
государственный университет имени В.И.Ульянова-Ленина» по адресу: 420008,
г.Казань, ул. Кремлевская 18, корп.2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Казанского
государственного университета

Автореферат разослан « » _____ 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Т.Ю.Виноградова

Значение переводных произведений для развития русской литературы, языка, культуры подчеркивалось уже первыми исследователями-историками древнеславянской письменности – М.В. Ломоносовым, Ф.М.Буслаевым, И.И. Срезневским, А.И.Соболевским, Ф.Миклошичем и другими. Однако основное внимание исследователей было направлено до сих пор преимущественно на переводные *богослужебные* тексты. Круг изучаемых источников в последнее время сильно расширился, при этом на первый план выходят вопросы переводческой техники, семасиологии, текстопостроения, диалектной принадлежности памятников и т.п., хотя проблемы текстологии, палеографии, фонетики и графики переводных текстов также находятся в комплексе исследуемых проблем. В то же время эти проблемы часто рассматриваются в контексте древнеславянского языка и в сопоставлении с языком источника без какого-либо обозначения перспективы дальнейшего развития изучаемых процессов. Наше диссертационное исследование предполагает осветить определенные проблемы переводной литературы в новом контексте: оно посвящено лингвистическому анализу *богословских* переводных памятников и определения их места в истории русского литературного языка.

Актуальность исследования состоит в той значительной роли, которую играли памятники богословской мысли в древнеславянском культурном, литературном и языковом контексте, и их дальнейшем влиянии на русский язык и русскую культуру. Церковнославянский язык в период с X по XVIII век претерпевает не только свойственные любому языку внутренние исторические изменения, но и функциональные трансформации и сдвиги. На материале перевода богословских памятников этого периода можно проследить активность, релевантность и направление данных процессов. Кроме того, на материале этих памятников возможно решение проблемы традиции и новаторства в переводческой деятельности и отношения языка книжных переводных текстов к общему состоянию литературного языка того периода. Изучение языковых особенностей памятников могло бы внести определенный вклад в решение как частных проблем истории русского литературного языка, особенно в аспектах лексико-семантических изменений, словообразовательных инноваций и особенностей текстопостроения, так и общих проблем развития славяно-русского языка.

Не следует забывать и о неоспоримом значении богословских переводных сочинений не только для развития литературного языка и становления его определенных норм, но и для основных культурно-исторических, социальных процессов в славянском мире (к ним можно отнести, например, движение исихастов или процессы так называемого второго южнославянского влияния на Руси во всей их широте и полноте) и для истории

русской философской мысли как с формальной (формирование терминологического аппарата в русском языке), так и с содержательной (влияние на направления и мировоззренческие системы русских философов, вплоть до XX века) стороны.

Известны слова О.Мандельштама о русском языке: «Русский язык – язык эллинистический... Живые силы эллинской культуры, уступив запад латинским влияниям и не надолго загаживаясь в бездетной Византии, устремились в лоно русской речи, сообщив ей самобытную тайну эллинистического мировоззрения, тайну свободного воплощения, и поэтому русский язык стал именно звучащей и говорящей плотью». Поэт почувствовал сущность русского языка, но в части эллинистического воздействия не стоит понимать его слова буквально: греческое влияние на славянский язык несомненно, но оно проходило сквозь призму славянской ментальности. Эллинистическое становилось «своим», не отличимым от исконно славянского. И горнилом, в котором осуществлялся этот сплав, были переводные церковные тексты, богослужебные и богословские. При этом взаимодействие двух ментальных стихий происходило не в какой-то определенный срок, а на протяжении всей истории древнеславянского языка. Оно проявлялось не только во внешних факторах воспринимающего языка, но и, прежде всего, в перестройке и формировании глубинных, содержательных языковых структур. И если всякая форма в языке со временем менялась, то языковое содержание оставалось – и сохранилось в истории нового литературного языка. Более того, в современном русском языке остается актуальным и некоторый комплекс, прежде всего стилистических, проблем, связанных с духовной литературой. В связи со всем вышесказанным изучение языка и стиля богословских переводных текстов в диахроническом аспекте представляется важным не только для исторической славистики, но и для современного языкознания и для многих смежных гуманитарных дисциплин.

Объектом исследования стала специфика языка древнеславянской переводной богословской книжности, формирование на его основе языка духовной литературы и особенности его развития в соотнесении с историко-культурным и философским контекстом, становление стилистической системы русского литературного языка. В фокусе исследования оказались также особенности средневековой переводческой техники и языковые процессы, отраженные в тексте богословских памятников, в аспекте их роли в становлении и развитии русского литературного языка на всех языковых уровнях.

Предметом исследования является развитие мысли, отраженное в лингвистических составляющих текста:

- лексическом наполнении, позволяющем проследить зарождение и развитие русской терминологической системы философии и богословия;

- векторе семантических изменений, отражающих движение мыслительных процессов;
- словообразовательных особенностях, передающих как внутрисловные семантические нюансы, так и черты формирующегося научного, максимально абстрактного мышления;
- элементах текстопостроения, связанных, с одной стороны, с направлением высказывания и отражения в нем особенностей менталитета на том или ином этапе истории; с другой стороны, сообщающих эстетическую ценность тексту.

В конечном итоге, на основе этих лингвистических составляющих исследуется стиль богословских памятников в историческом аспекте.

Мы сознательно практически не затрагиваем грамматический (морфологический) аспект, поскольку считаем историю грамматических категорий и форм в предложенном ракурсе достойной отдельного глубокого исследования.

Материалом для детального **исследования** послужили разновременные переводы «Богословия» («Точного изложения православной веры») Иоанна Дамаскина и корпуса сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита. Выбор этих произведений неслучаен, он обусловлен их значением в развитии философского и христианского мышления в Slavia Orthodoxa и представленностью их переводов на всех значимых этапах развития славяно-русского языка.

Несколько замечаний относительно источников. «Богословие» Иоанна Дамаскина было переведено в X веке Иоанном экзархом Болгарским и стало фактически первым обширным богословским теоретическим трактатом в Slavia Orthodoxa. Этот перевод известен по списку, датируемому XII-XIII вв., который и является основой нашего исследования перевода «Богословия». Следует отметить, что мы принимали во внимание те переводы, которые либо были распространены на Руси, либо обозначили определенную веху в истории русского церковнославянского, поэтому в поле нашего зрения не попадает сербский перевод XIV века, оставшийся неизвестным в Московии, мало внимания мы уделяем и переводу князей Курбского и Оболенского (XVI век), поскольку он, в силу известных причин, демонстрирует следы западославянского влияния в степени, в целом не свойственной русскому церковнославянскому того времени. Зато определенное место отводится переводам XVII (отражение идеологии грекофилов) и XVIII (переломный момент в истории духовного языка) веков.

Ареопагитики впервые были переведены на древнеславянский в 1371г. афонским старцем Исайей. Автографом Исайи является, видимо, рукопись из фондов РНБ (собрание Гильфердинга, № 46). Нами было рассмотрено несколько списков перевода XIV века разных текстологических групп разной

хронологической отнесенности (ГИМ, Воскр. № 75 и № 76; РГБ, МДА фонд. № 144; РГБ, Ундольск. № 178; РГБ, Писк. № 44), эти списки мы сравнивали со списком из Великих Миней Четиих (XVI века), собранных митрополитом Макарием (октябрь, 3-й день), в издании Археографической комиссии 1870 г. Поскольку вопросы графики, орфографии, отличия редакций, а также текстологические проблемы лежат за пределами интересов нашего исследования, то мы сочли возможным на основании почти абсолютного сходства всех списков в том, что касается их лексического состава, отталкиваться в своем изучении славянских Ареопагитик именно от последнего издания (ВМЧ). В ряде случаев мы обращаемся и к другим спискам (например, при пропуске фрагмента или ошибке переписчика). Список ВМЧ явился также *tertium comparationis* при анализе позднейших переводов корпуса на славянский – XVII, XVIII и XIX вв.

Ареопагитики в истории своего бытования обычно сопровождались схолиями, представляющими собой компиляцию комментариев разных лиц: Максима Исповедника, Иоанна Скифопольского и, возможно, других толкователей. По традиции, толкования к сочинениям Дионисия связывают с именем Максима Исповедника (VII в.), который, по-видимому, и явился компилятором известных ему схолий к Ареопагитикам. Начиная с самого первого перевода комментарии – неотъемлемый спутник и славянских Ареопагитик. Поскольку, несмотря на видимые отличия в языке комментаторов и самого Псевдо-Дионисия, в их словоупотреблении и организации текста наблюдается много общего, иногда мы черпаем материал из перевода схолий, но обычно оговариваем каждый такой случай.

История вопроса. Из творческого наследия Иоанна экзарха довольно подробно исследованы перевод «Шестоднева» (в отечественном языкознании это прежде всего работы Г.С.Баранковой) и собственные его произведения. Состоянию изученности «Богословия» Иоанна Дамаскина в славянском переводе посвящена диссертация Х.Трендафилова (1994 г.), в ней автор рассматривает проблемы рецепции памятника, а также ставит вопрос о его месте в филологических штудиях. В языковом аспекте «Богословие» в переводе Иоанна экзарха Болгарского и других книжников интересовало немецких и австрийских славистов (А.Лескина, Л.Садник, Э.Вайера, Э.Ханзака и др.), но в отечественном языкознании после классического труда К.Калайдовича, глубокого описания списков перевода А.Горским, К.Невоструевым и первого издания рукописи Синодального собрания О.Бодянским наступило некоторое затишье в изучении этого памятника. Можно констатировать, что «Богословие» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха, да и в последующих изучено не комплексно и в отрыве от широкого языкового, философского, историко-культурного контекста.

Похожая ситуация сложилась и в отношении славянских Ареопагитик. В течение нескольких последних десятилетий они постепенно выходят из небытия, вызванного незаслуженным забвением этого памятника философской и богословской мысли, и вновь начинают привлекать внимание исследователей. Глубокое текстологическое изучение рукописей проведено Г.М. Прохоровым, им же были сформулированы основные проблемы и задачи исследования славянского перевода корпуса, прежде всего – в историко-культурном аспекте. Актуальные вопросы рецепции и традиции бытования славянских Ареопагитик с культурологических, в частности церковно-исторических, позиций рассматриваются в диссертации немецкого исследователя Х.Гольца (1979 г.) и других его работах. В настоящее время Х.Гольц с группой единомышленников работает над изданием самой первой из дошедших до нас рукописей славянских Ареопагитик (РНБ, Гильфер. № 46). Методология лингвистического изучения корпуса в тесной связи с философской проблематикой предложена в работе В.В. Колесова «Проблемы средневекового знания в славянском переводе Ареопагитик». Ученый продолжил начатое этой статьей исследование в своей монографии «Философия русского слова» (2002 г.). Философские основания Ареопагитик, их влияние на восточно-христианский мир анализируют в своих работах исследователи истории русской философии М.Н.Громов и В.В.Мильков. Разрозненные упоминания Ареопагитик по тому или иному поводу и в том или ином объеме встречаются как у наших ведущих славистов, так и у их зарубежных коллег – В.Велчева, Е.М.Верещагина, Х.Кайперта и других.

Примером монографического исследования, посвященного особенностям языка и стиля славянских Ареопагитик в диахроническом аспекте в контексте основных проблем истории литературного языка, может служить наша книга «Славянские Ареопагитики: лингвистическое исследование» (2007 г.). Но общие проблемы функционирования богословских переводных памятников в ней не ставились. Кроме того, в переводных славянских Ареопагитиках отсутствует, так сказать, одно важное звено: первый перевод был сделан в конце XIV века, так что начальный период переводческой деятельности славян Ареопагитиками не представлен. Этот факт, в частности, был одним из оснований объединения «Богословия» и Ареопагитик в одном исследовании.

Все изложенное говорит о **новизне** предпринятого **научного исследования** и поставленных в нем задач, которая заключается в идее изучить связь между философским содержанием памятника и его языковым воплощением, идеологические векторы в исканиях переводчиков и другие проявления ментальности в языке и тексте. Новизна исследования состоит, в частности, и в неизученности указанных памятников в аспектах исторического словообразования, лексикологии, текстопостроения как в отдельности, так и в

их сопоставлении с привлечением к исследованию канонических переводов их contemporaneous переложений. Новый подход видится и в понимании богословских переводных памятников как своего рода «испытательного полигона» некоторых процессов, которые будут иметь значение для развития русского литературного языка, и, собственно, в выявлении этих процессов.

Итак, **цель исследования** состоит в комплексном изучении лексико-семантических, словообразовательных и синтаксических особенностей языка древнеславянской переводной богословской книжности и формирования на его основе языка духовной литературы от древнерусского периода до наших дней, реализующегося в особом стилистическом рисунке, для которого характерны определенные приемы и элементы текстопостроения и своя терминологическая система.

В соответствии с целью ставятся следующие **задачи**:

- изучить философские основы «Богословия» Иоанна Дамаскина и корпуса сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита;
- установить связь между философским содержанием сочинений и его языковым воплощением в оригинале и первых переводах;
- проанализировать лексико-семантические, словообразовательные и текстообразующие особенности первых переводов «Богословия» и Ареопагитик в контексте истории церковнославянского языка; подчеркнуть общее, выделить отличия;
- проследить связь словообразования и текстообразования внутри данных памятников как отражение философской теории образа и иерархии и изучить этот аспект в рамках теории исторической стилистики;
- проанализировать технику перевода, сформулировать особенности переводческой доктрины в рамках общей средневековой тенденции и кирилло-мефодиевских традиций;
- выявить на основе обнаруженных сходств и различий основные тенденции развития церковнославянского языка богословских памятников и отражение в нем особенностей мышления;
- описать картину становления и развития древнерусской богословской и философской терминологии, ее сущностных особенностей и формирования дальнейших тенденций в этой области;
- восполнить данные исторической стилистики в сфере диахронии богословского текста;
- определить языковые явления исследуемых памятников, которые, с одной стороны, характеризуют их как переводные и богословские, а с другой, будут иметь значение в истории русского литературного языка;
- показать пути становления духовного языка в XVIII-XIX веках, размежевания его с церковнославянским как языком богослужения;

- проиллюстрировать процессы, ведущие от средневекового образа к формированию современного понятия в единстве его объема и содержания и развертывающие понятие в суждение;

- обсудить некоторые актуальные вопросы современной лексикологии (в области термина) и стилистики.

Основные методы решения поставленных задач – метод диахронического исследования, историко-сопоставительный метод. Для характеристики языковых явлений конкретного памятника применяется метод синхронического описания с привлечением материала других источников. В целом, методология исследования заключается в комплексном подходе к тексту, включающем не только лингвистический анализ конкретной языковой данности, но и сравнение с текстом оригинала, а также привлечение сведений и фактов смежных гуманитарных дисциплин: философии, богословия, истории, культурологии. Таким образом, можно назвать этот подход к объекту исследования междисциплинарным методом.

Методологической основой исследования являются принципы Казанской лингвистической школы – понимание системности языка, диалектики языковой устойчивости и динамики, а также стремление к обобщениям, без которого, по убеждению И.А. Бодуэна де Куртенэ, немыслима ни одна настоящая наука.

Практическая значимость исследования состоит, прежде всего, в пополнении исторических словарей русского языка новыми материалами и введении в научный оборот малоизученных памятников славяно-русской письменности. Кроме того, полученные результаты представляется возможным реализовать в преподавании ряда общих и специальных курсов по истории русского языка в высшей школе, а также как дополнительный и справочный материал для философских, исторических и культурологических исследований теоретического, прикладного или учебного характера.

Методологическая значимость исследования состоит в апробации метода исследования языка книжных памятников в соотношении с их содержательной стороной. Кроме того, в результате исследования были разработаны и предложены частные методики анализа тех или иных языковых явлений: например, методика исследования словообразования памятника в функциональном аспекте, методика комплексного исследования текстообразования и словообразования средневекового памятника и т.д.

Теоретическая значимость исследования определяется решением поставленных в нем проблем. Она состоит в открытии обусловленности основных переводческих установок каждого периода древнеславянского языка неоплатонической теорией образа и основных различий переводов каждого

периода различием в понимании этой теории в соответствии с объективными языковыми данностями.

Общие теоретические выводы касаются истории церковнославянского языка как важнейшей составляющей истории русского литературного языка, сущности и статуса церковнославянского языка на разных этапах его функционирования, особенностей русского церковнославянского языка в связи со становлением русской ментальности, истории переводной литературы и исторической теории перевода.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Лексико-семантические, словообразовательные особенности и особенности текстообразования как в греческих богословских памятниках, так и в их древнеславянском переводе на языковом уровне отражают и воплощают основные философские идеи их авторов – это теория имени, образа и иерархии.
2. Теория образа определяет не только технику средневекового перевода, но задает парадигму всей переводческой концепции: если в ранних переводах книжникам было важно передать образ синтагмы текста, в переводах эпохи Московской Руси – образ текста, в XVII веке – образ слова, то в XVIII веке – с распадом исконного единства текст-стиль-жанр – образ стиля.
3. В изучаемой группе памятников – как богословских и переводных – мы наблюдаем ряд явлений, которые имели значение в развитии русского литературного языка. К ним мы относим:
 - а) традиции переводческих приемов, которые способствовали становлению парадигматических отношений в лексической (синонимия, омонимия, антонимия) и словообразовательной (укрепление словообразовательных типов, складывание конфиксального словопроизводства) системах языка;
 - б) развитие в прилагательном идеи качества и превосходства (судьба субстантиватов и история превосходной степени);
 - в) усложнение гипотаксиса как проявление развертывания понятия в суждение (судьба субстантиватов и композитов);
 - г) сложение гуманитарной терминологии;
 - д) сложение стилистической системы языка.
4. Отношение церковнославянского языка и русского литературного языка мы рассматриваем не как однонаправленное влияние (церковнославянский > русский), а как взаимодействие, которое, в сущности, и определило феномен русского литературного языка.
5. Взаимодействие двух языковых стихий со стороны церковнославянского языка было обусловлено окончательным распадом средневекового единства текст-стиль-жанр в XVIII веке, так что воздействие церковнославянского языка происходило на арене становления

стилистической системы литературного языка; этот же распад обусловил в дальнейшем выделение и консервацию церковнославянского как языка богослужения.

6. Развитие механизмов взаимодействия языковых стихий и внутриязыковых изменений было связано с развитием и изменением парадигм мышления.

Основным **результатом** исследования является обобщение и анализ основных тенденций развития церковнославянского языка богословской литературы в историко-культурологическом контексте и в связи с развитием и особенностями мышления (ментальности). Конкретные результаты получены в сфере исторической лексикологии и семантики, исторического словообразования и синтаксиса русского языка, исторической стилистики и диахронии текста.

Апробация работы. Работа обсуждалась и была рекомендована к защите на совместном заседании кафедры романо-германской филологии и кафедры истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета.

Отдельные положения и промежуточные результаты исследования были представлены и обсуждались на международных конференциях и форумах, среди которых: «Европейская русистика и современность» (Польша, Познань, университет им. А.Мицкевича, 2001, 2005 гг.), «Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры» (Болгария, Пловдив, университет им. Паисия Хилендарского, 2006 г.), «Русский язык: система и функционирование» (Минск, Минский гос. университет, 2004 г.), X Конгресс МАПРЯЛ (С.-Петербург, 2003 г.), Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ, 2004, 2007 гг.), «Аванесовские чтения» (Москва, Институт русского языка РАН, 2002 г.), «Церковнославянский язык: история, исследование, преподавание» (Москва, ПСТГУ, 2004 г.), II, IV и VII Славистические чтения памяти проф. П.А.Дмитриева и проф. Г.И.Сафронова (С.-Петербург, СПбГУ, 2002, 2004, 2006 гг.), «Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии» (С.-Петербург, ИЛИ РАН, 2005 г.), I, II и III Бодуэновские чтения (Казань, КГУ, 2001, 2003, 2006 гг.), «В.А.Богородицкий: Научное наследие и современное языковедение» (Казань, КГУ, 2007), а также на ежегодных международных филологических конференциях в СПбГУ, на региональных конференциях в Казанской Духовной семинарии, на итоговых научных конференциях в КГУ и др.

Структура работы определяется ее целями, методами и задачами: диссертация состоит из введения, двух разделов, заключения, списка использованных источников, научных работ, словарей и принятых сокращений.

Содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность избранной темы и направления исследования, отмечается научная новизна диссертации, определяются цели и задачи работы, представляются объект и предмет изучения, описывается материал исследования и методы изучения материала, рассматривается история разработки вопроса, указывается практическая, методологическая и теоретическая значимость исследования, излагаются положения, выносимые на защиту, и ожидаемые результаты исследования, сообщаются сведения об апробации диссертации.

В первом разделе **«Язык и стиль древнеславянских переводных богословских памятников»** рассматриваются древнеславянские переводы изучаемых памятников в аспекте соотнесения их языковых особенностей с возможным воздействием философского содержания; исследуются основные культурно-исторические предпосылки создания этих переводов; кроме того, анализируются новые переводы «Богословия» и Ареопагитик, выполненные в русле идеологии грекофилов в XVII веке, как своего рода критический момент в истории древнеславянского языка.

Изучая наследие Псевдо-Дионисия Ареопагита и Иоанна Дамаскина в славянской рецепции, невозможно игнорировать явные и скрытые связи, определяющие их место в истории грекоязычной философии и богословия и в традиции славянского любомудрия. Этой проблеме посвящен п. **1.0**. Эти связи реализуются не только в общих темах, мотивах, текстуальных совпадениях, но и в языке и стиле их сочинений в целом, в том числе – в языке и стиле переводов. Сопоставление переводов этих памятников на древнеславянский важно, поскольку «Богословие», а затем и Ареопагитики стали своего рода основой древнерусской философии, которая в своем становлении прошла школу и аристотелевской логики, и византийского неоплатонизма. Сопоставление это закономерно, поскольку между этими сочинениями и их славянскими переводами существует двусторонняя связь: Дамаскин был сведущ в философии Дионисия, но в то время, когда переводом его «Богословия» занимался Иоанн экзарх, Ареопагитики в оригинале среди славян знало только небольшое число ученых книжников. Когда же настало время (конец XIV века) переводить творения Дионисия Ареопагита, оказавшего столь значительное влияние на Дамаскина, в славянском православном мире «Богословие» было уже весьма популярным произведением, судя по количеству списков первого перевода и возникновению новых переложений. В связи с этим представляется, что сопоставление содержательной стороны памятников богословской мысли позволит провести их сравнение в языковом плане.

В содержательном плане Ареопагитики и «Богословие» объединяют как общие глобальные концепции, так и некоторые частности, которые, с одной стороны, напрямую связаны с этими общими теориями, а с другой стороны, обусловлены особенностями их интерпретации у каждого из интересующих нас авторов.

Разобраться в деталях языкового мышления обоих авторов нам помогут те основополагающие философские категории оригинальных сочинений, которые не только организуют метафизические построения Ареопагита и неоплатонические экскурсы Дамаскина, но и характеризуют язык и стиль их произведений. Это категории *имени* (на пересечении онтологии и гносеологии), *образа* (в теории эстетического богопознания), *иерархии* (как онтологической (мироустройство), так и гносеологической (восхождение по ступеням иерархии в обретении высшего знания) категории). Они рассматриваются в п. 1.1.

Эти категории тесно связаны между собой. Если понятие *образ* принадлежит символической гносеологии (п. 1.1.1.), то категория *имени* – его соответствие в ноэтической философии (п. 1.1.2.). *Иерархия* относится к сфере онтологических построений (п. 1.1.3.). Миропорядок имеет иерархическое строение, и наше познание восходит по лестницам иерархий, постигая высшие сущности посредством образов и символов, доступных нашему разуму. В языковой проекции образу и имени соответствует слово, а иерархии – текст. Воспринимая устройство и порядок текста, мы постигаем и слова.

Категории имени, образа и иерархии определяют не только направление мысли философов, но и особенности изложения их философии, проявляющиеся на всех языковых уровнях – от морфемики до текстопостроения, то есть в конечном итоге – их индивидуальный стиль. Это продиктовало нам логику изложения материала: рассмотрев названные философские категории, мы перейдем к анализу их языкового воплощения в переводах – в лексике (имя), словообразовании (образ) и текстопостроении (иерархия) древнеславянских памятников.

Но прежде рассмотрим общезыковой и общекультурный контекст славянских переводов памятников богословия (п. 1.2.). Трудно говорить о существовании общего контекста для разновременных переводов нескольких, пусть и одножанровых, памятников: слишком большие временные промежутки их разделяют и слишком разнородные эпохи были фоном их создания: от начала славянской книжности до петровских реформ (если верхнюю границу хронологии определить XVIII веком, а ведь рукописная традиция богословской литературы продолжалась и в первой половине XIX века). Кроме того, иногда трудно отделить влияние оригинального текста (который был знаком книжникам средневековой Руси задолго до создания первого перевода) от влияния переводов и на переводы. Так, например, зарождение и стремительное

развитие характерного для XIV века, эпохи создания первого перевода Ареопагитик, движения исихастов, можно рассматривать одновременно как фон для работы инок Исайи и как практическое воплощение теоретических идей, заложенных в трактате Дионисия.

Тем не менее существование и непрерывность книжной и культурной традиций в Slavia Orthodoxa позволяют наметить основные показатели общего для всех переводов культурного и лингвистического контекста.

Во-первых, это существование *кирилло-мефодиевской традиции перевода*. Конечно, она не сохранилась в совокупности тех принципов, которыми руководствовались в своем подвижническом труде сами первоучители славян. Но основная доктрина перевода сохранялась неизменной на протяжении всего славянского средневековья. Кроме того, изучение кирилло-мефодиевской традиции позволило исследователям, прежде всего – Е.М.Верещагину, сформулировать основные принципы, лежащие в основе техники первых славянских переводов и искусства этих переводов. Это такие приемы, как *ментализация*, *экспликация*, *аппроксимация* и т.д. и т.п. В разновременных переводах «Богословия» Иоанна Дамаскина и Ареопагитик кирилло-мефодиевские принципы перевода сохраняются не как дань мертвой традиции, а как живое ее наследие.

Во-вторых, это *синкретичный характер* средневекового (в том числе философского) мышления и отражение его в языке, выразившийся прежде всего в недостаточной расчлененности лексического значения. Очень ярко синкретизм выражен в первом переводе «Богословия» Иоанном экзархом Болгарским. Для времени осуществления первого перевода Ареопагитик на славянский язык уже характерен процесс распада семантического синкретизма. Это нашло свое отражения в языке памятника – например, в явлении лексической вариативности или словообразовательных экспериментах. В отношении церковнославянской традиции XVII века говорить о синкретизме как о системном явлении языка сложно, но символическая направленность богословского текста неизбежно влияет на особое преломление этого процесса в его лексической системе: бытование синкреты и символа взаимообусловлено, о контекстном значении можно говорить только в условиях сохранения синкретизма.

В-третьих, это *формы познания действительности*, которые В.В.Колесов определил как *ментализацию*, *идеацию* и *идентификацию*. Если для первой эпохи важен объем понятия (и направление мысли идет от предмета к понятию), то в центре внимания второй эпохи находится идея, то есть содержание понятия, и движение мысли принимает направление от слова. Идентификация, как стадия «полного отчуждения от символа как «другого мира вещей» с рациональным совмещением содержания и объема понятия, значения и предметного значения слова» (Колесов), не могла стать логическим

процессом осмысления действительности в славянских богословских текстах по определению.

Кроме всех перечисленных связующих разновременные славянские переводы богословских памятников моментов, были еще два, может быть, наиболее важных. Во-первых, разумеется, *греческий язык* и сами *тексты* сочинений, *памятников греко-византийской философской мысли*, особенно Ареопагитики, имевшие неоспоримое влияние на славянскую культуру. Во-вторых, это славянская, русская *ментальность*, которая «руководила» всеми переводчиками и которая определяла содержание и степень восприятия греческой культуры и языка.

Далее рассматриваются переводческие доктрины и их воплощение в языке первых переводов богословских памятников (п. 1.3.). Можно утверждать, что теория образа, изложенная Псевдо-Дионисием Ареопагитом, легла в основу центральной доктрины средневекового перевода – пословного перевода, в какой бы модификации эта доктрина ни выступала. Концепция перевода была одна. Более того, все переводчики отдавали предпочтение созданию сходных (подобных) образов, но понимание образа и его подобия у них было разным. Важно также было и то, что принималось за образ в самом слове греческого оригинала: его значение или его внутренняя форма. Иоанн экзарх видел образ прежде всего в значении греческого слова, поэтому его перевод так часто называют смысловым. Но Иоанну же принадлежит техника дублетных переводов, один из которых является образом значения, а другой – образом внутренней формы. Исая чаще колеблется между значением и внутренней формой, выбирая, как правило, что-то одно. Переводчики XVII века школы Епифания Славинецкого будут видеть образ во внутренней форме греческого слова, что отразится в определенной искусственности того церковнославянского языка, который получится в результате их переводов.

Анализ языковой специфики славянских переводных произведений проводится в последовательности: лексико-семантические особенности (п. 1.3.1.), словообразовательные особенности (п. 1.3.2.), особенности текстопостроения (п. 1.3.3.).

Говорить о лексико-семантических особенностях богословских древнеславянских переводных памятников сложно по многим причинам. Во-первых, как мы уже подчеркивали, необходимо учитывать воздействие содержания памятника на его языковое воплощение. Во-вторых, невозможно игнорировать влияние транслирующего языка, в нашем случае – византийского греческого. И, вследствие этого, в-третьих, иногда трудно отличить оригинальное от заимствованного. В-четвертых, сложно давать однозначную характеристику и оценку особенностям семантики древнеславянских слов, поскольку всегда существует опасность наложения современных

представлений и современного «языкового знания» на средневековую текстовую данность. В-пятых, это вообще невозможно делать вне контекста, поскольку модусом существования средневекового слова, в частности в силу его синкретизма, была синтагма текста. Наконец, в-шестых, трудно найти единый аспект изложения лексико-семантических проблем древнего переводного текста философского содержания.

Мы видим нашу задачу не в том, чтобы подвергать анализу отдельные виды соотношения слова оригинального текста и текста перевода: типология этих соотношений разработана достаточно подробно (прежде всего, Е.М.Верещагиным, А.М.Камчатновым, К.А.Максимовичем), в ряде исследований с учетом неоплатонической теории образа (см. работы немецких славистов Э.Ханзака, Э.Вайера и др.), и материал наших памятников вполне укладывается в рамки принятых классификаций, не приуготовляя в этой сфере никаких неожиданностей. Также не хотелось бы нам подробно останавливаться на приемах переводческой техники (прием переводческих дублетов, лексическая вариативность, калькирование и т.д.): эти вопросы освещены в научной литературе, в основном, естественно, на примере церковно-книжных памятников; нас данные приемы будут волновать не с точки зрения своего проявления в исследуемых текстах, а с точки зрения своего взаимовлияния с лексико-семантическими процессами в истории русского литературного языка (в разделе II диссертации). Мы будем стремиться показать *внутренние* семантические особенности богословского (resp. научно-гуманитарного) переводного текста, *вектор* лексико-семантических процессов в связи с изменениями процессов мыслительных, что, конечно, предполагает и опору на греческий материал, и учет влияния содержательной стороны памятника.

Несмотря на то, что первые переводы «Богословия» и Ареопагитик относятся к разному периоду развития литературного языка, с точки зрения лексико-семантических характеристик в этих текстах больше общего, чем может показаться на первый взгляд: большую роль играют общее теоретическое основание переводов и единство древнеславянской книжной традиции. Общее в семантических процессах обусловлено основным принципом логических связей, которые пронизывают текст древнеславянских памятников, определяя не только лексические и грамматические особенности его составляющих, но и все текстопостроение в целом. Речь идет об отношениях на основе *метонимии*. Метонимия предполагает основной принцип познания в языке – уподобление. Она обуславливает линейные связи текста, особенно эпохи первых славянских переводов, так что иерархию текста перевода «Богословия» справедливо можно назвать «иерархией ряда» (В.В.Колесов). Отношение соположенности проявляет себя в семантическом аспекте в первую очередь в различного вида семантических конверсиях. Для

наших памятников – и в особенности для «Богословия» – характерна конверсивность родо-видовых и субъектно-объектных отношений.

С ослаблением действия семантического синкретизма ослабевает и синтагменная обусловленность слова. Потеря былой прочности горизонтальных связей текста, отражающих особенности мышления, компенсируется развитием связей вертикальных: иерархия ряда сменяется полноценной иерархией, в которой становятся возможны и получают свое развитие новые явления на всех языковых уровнях. Конверсия семантических отношений уступает место отношениям векторным. Благодаря этим изменениям становится возможной метафора – в частности как новое основание семантических преобразований.

Отношения идеи, вещи и слова, меняющиеся с течением времени, находят свое языковое выражение в переводных текстах. При этом изменения этих отношений не только связаны с изменениями языкового сознания, но находят свое теоретическое подтверждение и обоснование в переводимых памятниках (аристотелизм Иоанна Дамаскина вполне соответствует «взгляду на слово со стороны вещи», а неоплатонизм автора Ареопагитик направляет умственный взор «от слова к идее»). Таким образом, философская методология и содержание памятников византийской мысли оказывает в какой-то степени влияние на труд переводчиков.

Нельзя обойти вниманием и влияние языка-источника – византийского греческого. Но слово-термин, попадая в переводной славянский текст, даже в виде семантической кальки (как, например, рассматриваемые нами термины *вещь* и *образ*), которая какое-то время сохраняет связь со своим прообразом (греческим словом), – это слово-термин начинает строить самостоятельные связи внутри славянского текста. А затем, когда эти связи укрепляют семантическую составляющую слова и позволяют ему функционировать вне синтагмы, слово входит в парадигматические отношения в языке.

В следующем параграфе (1.3.2.) мы видим свою задачу не только в том, чтобы проанализировать словообразовательные особенности отдельных памятников письменности, но, прежде всего, чтобы выработать по возможности единую методологию такого анализа, поскольку единые принципы исследования исторического словообразования в функциональном аспекте не только дополнили бы современную историческую лексикографию, но и обогатили бы наши знания о словообразовательных процессах и их месте в системе языка в целом.

Уже существующие исследования дают представление о том, что функциональный аспект словообразования раскрывает такие стороны словообразовательных форм и типов, которые невозможно исследовать другим путем. Следует учитывать, что функциональный аспект исторического словообразования тесно связан с жанрово-стилистической спецификой

памятника или текста. Кроме того, для исследователя важно в первую очередь не только наличие определенных словообразовательных типов в языке памятника, но и количественный состав этих словообразовательных типов вообще и по отношению к другим словообразовательным типам как в исследуемом памятнике, так и, по возможности, в данном типе текста. Наличие или отсутствие тех или иных книжных имен в языке памятника может свидетельствовать и о школе, которой придерживался писатель или переписчик (известны две таких школы: моравская и болгарская). В этой связи определенную роль играют языковые замены (в одном тексте, в разных списках, редакциях, переводах одного текста, в группе однотипных текстов), в том числе и так называемая словообразовательная синонимия. Словообразовательная синонимия – явление вообще весьма важное при рассмотрении варьирования словообразовательных форм в функциональном аспекте (словообразовательных вариантов). Наконец, особого внимания в функциональном плане заслуживает соотношение словообразующего аффикса и производящей основы. Например, часто так называемые образования с «нейтральными» словообразовательными средствами в определенном типе текста маркированы не в плане аффикса, а в плане производящей основы.

Обобщая все сказанное выше, мы предлагаем следующие обязательные элементы изучения функциональной стороны исторического словопроизводства, которые выстраиваются в определенную иерархию – от слова к стилю:

1. Изучение каждого словообразовательного типа в одном памятнике письменности: производящей базы, словообразовательной формы и словообразовательного значения. Определение количественного состава и места этого словообразовательного типа среди других, определение особенностей функционирования этого словообразовательного типа в данном памятнике. Выявление специфики отношения производящей основы к словообразующему аффиксу. Этот этап представляет собой фактически исследование словообразования конкретного памятника как синхронного среза в определенную эпоху.
2. Изучение случаев варьирования словообразовательного типа в данном памятнике и отношение этих случаев к явлению словообразовательной синонимии.
3. Исследование соотношения словообразования и текстопостроения в данном памятнике: отношение слова к синтагме, связь принципов текстопостроения с функционированием определенных словообразовательных типов, роль словообразовательных вариантов и т.п.

4. Изучение разных (по времени и происхождению) списков, редакций, переводов (если памятник переводной) памятника в аспекте функционального словообразования, то есть фактически исследование словообразовательных особенностей текста в диахронии.
5. Сравнение полученных сведений с данными других памятников этого же типа текста (той же жанрово-стилистической принадлежности). То общее, что будет выявлено между ними, относится к специфике данного жанрово-стилистического текстового единства; частное же в каждом случае охарактеризует особенности индивидуального стиля автора (переводчика).

Эта схема представляется нам целесообразной при описании словообразовательных особенностей одного памятника. Поскольку наша задача шире, мы несколько отступим от данного порядка изложения, а именно: текстообразованию (в том числе и в связи со словообразованием) будет посвящен отдельный параграф, кроме того, заключительное сравнение будет проводиться между двумя памятниками – Ареопагитиками и «Богословием». И еще одно ограничение: поскольку речь идет о древних богословских памятниках, текст их номинотцентричен, и мы ограничимся рассмотрением только субстантивного словообразования «Богословия» и Ареопагитик, учитывая при этом два центра, которые образуют производные имена существительные в тексте – *nomina agentis* и *nomina abstracta*. Производные слова со значением лица противопоставлены именам с отвлеченными значениями не только в общесемантическом плане, но и в характере словообразовательного значения: отвлеченные имена представляют транспозиционные словообразовательные значения, в то время как имена со значением лица представляют мутационные словообразовательные значения.

Первое, что мы должны себе уяснить: в период с X по XVI век включительно не следует ожидать значительных различий в индивидуальном стиле переводчиков, работающих над текстами одной жанрово-стилистической принадлежности. Строго говоря, индивидуального стиля как такового не было – были частные различия, но не более. Индивидуальное начало было подчинено идеологии средневековой теории перевода и более или менее общему представлению о достоинстве (термин Р.Пиккио) текста.

Такие яркие словообразовательные черты «Богословия» в переводе Иоанна экзарха как наличие отглагольных субстантивов нулевой суффиксации, частое употребление предложно-падежной конструкции **вѣзъ** + субстантив на месте греческих слов на $\alpha \dots \iota\alpha$ и подобных, замена греческих существительных в форме родительного падежа (в роли несогласованного определения) притяжательными прилагательными и т.п. характеризуют и другие памятники богословской направленности того периода (XIII Слов

Григория Назианзина, Лествицу Иоанна Синайского и др.). Но то, что, например, количество нулевых образований у Иоанна экзарха относительно больше, чем в других памятниках, и среди них встречается много примеров словотворчества переводчика, является уже той частностью, которая, не нарушая достоинства текста, принадлежит именно стилю экзарха.

Со временем в процессе разрушения семантического синкретизма имена на –Ø уступают место образованиям с выраженным словообразовательным акциональным или агентивным значением. В первом переводе Ареопagitик (XIV век) нулевых образований уже в относительном плане гораздо меньше, но они приобретают в этом памятнике новую функцию. Теория автора Ареопagitик о несложности божественной сущности и ее эманации в тварный мир приобретает и наглядное выражение в языке как подлинника, так и славянского перевода: божественная сущность обозначается именами с простой морфемной структурой (чаще всего непроизводными или нулевой суффиксации, материально выраженная морфемная структура которых также кажется несложной), а ее эманации – именами со сложной морфемной структурой. В связи с необходимостью достижения максимальной абстрактности морфемная структура слов тоже усложняется. Типичным проявлением такого усложнения становится тип имен на **–ЬСТВІЄ**, который конкурирует с именами на **–ЬСТВО**. В Ареопagitиках очень много образований на **–ЬСТВІЄ**, но и в списках «Богословия» того времени этих имен становится больше, чем в ранних – это общая тенденция в памятниках высокого стиля. Кроме того, «нагромождение» суффиксов рождает такие словообразовательные гапаксы в Ареопagitиках как, например, **сущєствєньствіє**, **невещєствєньство**, **божєствєньствіє**. В данном случае мы также имеем дело с частной особенностью перевода.

Теория божественного имени накладывает отпечаток на употребление *nomina abstracta* и *nomina concreta*: они сближены в переводе памятников в своем функциональном аспекте. Многие из них называют божественную сущность, являются «божественными именами». Однако если *nomina abstracta* выполняют эту функцию на основе их метонимического употребления, то наделение этой ролью *nomina concreta* сопровождается их метафоризацией. Таким образом, сочетание и взаимодействие в тексте имен отвлеченного значения и имен лица в функции предикации божества ведет к созданию символично-образного поля в богословском сочинении, так что философские рассуждения автора облекаются в художественные формы изложения, а последние в свою очередь обусловлены особенностями богословского содержания и направленности. И здесь трудно переоценить роль переводчиков, которые, пользуясь всем богатством возможностей родного (славянского) языка, сумели передать не только глубину богословского содержания

сочинений, но и их эстетические достоинства. Эстетике перевода в соединении словообразовательных и текстообразующих возможностей посвящен следующий параграф (1.3.3.).

Взаимоотношения слова и текста являются значимыми не только в плане языковом, но и в плане философском. Языковой план этих отношений тоже не линейен – он включает в себя не только горизонтальные связи, характерные для средневекового текста-образца, но и вертикальные связи, формирование которых обуславливает, как один из факторов, становление стиля. В средневековом тексте слово есть образ не только в плане понятийном, содержательном, но и в плане формальном. Оно часто выполняет эстетическую функцию в построении текста, при этом, конечно, основная роль принадлежит словам производным, с выраженной формальной структурой. Связь между словообразованием и текстообразованием памятника нужно искать прежде всего в плоскости эстетической – когда в нее вмешиваются смысловые отношения, то изящность текстопостроения часто рушится. Это совсем не значит, что средневековые авторы обращали больше внимания на форму, чем на смысл, скорее наоборот, они умели находить равновесие между содержательной и формальной стороной текста. Но когда дело доходило до смысловой нюансировки, форма часто отступала на второй план, что не могло не отразиться на образе текста в целом.

В отношениях между словом и текстом проявляют себя и особенности механизмов мышления. В период создания первых славянских переводов происходит расширение понятийного объема слова, и это сказывается на положении слова в тексте. И в переводном, и в непереводном памятнике этого периода слово существует нераздельно от синтагмы, формулы: если в непереводном тексте это устойчивое парное сочетание, то в переводном это такое же по сути парное сочетание, представляющее собой дублетный перевод одного греческого слова. В славянском слове еще не завершено уточнение объема понятия, в связи с этим «подвижен» его морфемный состав, что проявляется в явлениях вариативности, которое касается и грамматической определенности слова в синтагме (ср. наличие параллельных образований у экзарха: *жєнитѡа* — *жєнитѡ*, *ꙗꙗло* — *ꙗꙗль*, *лꙗжь* — *лꙗжа*, *бєс тла* (родительный падеж с предлогом), но *вꙗ бєстлѡ*, *бєс коньца* и *бєсконьца* и т.д. и т.п.). Тем не менее уже не только известны теоретические основания существования слова в тексте (метафизика неоплатонизма, воспринятая византийским христианством), но имеются практические примеры проявления образной сущности слова.

Позднее, когда границы слова обозначатся четче и оно начнет освобождаться от синтагменной связанности (но не от смысловой связанности контекста), слова станет легче сплести в причудливые фигуры и выстраивать в

иерархию. Особенно это касается переводных памятников, потому что в них связь словообразования и текстообразования подкрепляется риторическими приемами искусственного в этом плане оригинального греческого текста. А ранневизантийский *textus* (вернемся к исходному значению слова), несомненно, уходил корнями в античные традиции, впоследствии обогащенные и ближневосточными импульсами.

Славянский перевод не всегда может копировать особенности текстопостроения греческого оригинала в деталях, но, используя традиционный для византийской письменности и распространенный в то время и в *Slavia Orthodoxa* арсенал средств, отражает в целом характер греческого текста. Элементы и средства текстопостроения редко выступают изолированно друг от друга: обычно они представлены в сочетании, что повышает их экспрессивность и служит ритмизации, эстетизации текста в целом.

Из всего богатства риторических фигур византийской поэтики, нашедших отражение и в переводе, мы выбрали для анализа наиболее употребительные, наиболее показательные в аспекте взаимоотношения словообразования и текстообразования и наиболее значимые в плане отражения философии в языке. Это фигуры повторов, перечисления и ритмические структуры.

Как мы уже заметили, идея иерархии находит свое воплощение и на языковом уровне – фактически ей проникнуто все текстопостроение. Особенно эта идея проявляет себя в принципах организации текста, которые объединяют под названием «принцип повтора». Повтор воплощается в разных фигурах речи: наиболее часто используется прием, состоящий в контактном употреблении однокорневых слов (*figura etymologica*), реже – в употреблении различных словоформ одного и того же слова (*polyptoton*) или близкозвучных слов (*anponinatio*, паронимасия). Ожидаемый эффект этих повторов разный, хотя во всех случаях их можно назвать несущей конструкцией смысла всего текстового фрагмента. Во-первых, корневой повтор употребляется в своем, видимо, изначальном, «магическом» предназначении, модифицированное христианскими неоплатониками в прием своеобразного выхода за слово, которое не может назвать божественную сущность, для интуитивного познания этой сущности. Во-вторых, однокорневой повтор имеет функцию тематического удержания, смысловой акцентуации контекста. В-третьих, однокорневой повтор употребляется по его прямому назначению, вытекающему из самого названия – *figura etymologica*, то есть разъясняющая происхождение слова (его внутреннюю форму) фигура речи.

Диапазон повторов в Ареопагитиках шире, чем в «Богословии». Можно выделить следующие основания, на которых строятся повторы в тексте: морфемные повторы, словесные повторы и формульные повторы. Для Ареопагитик свойственна еще одна модификация повторов, которая также

строится на иерархических отношениях морфемы–слова–формулы – это принцип развертывания, которому мы дали название *аперция*.

Прием перечисления (*enumeratio*) имеет также древнюю традицию, как и виды повтора: средневековые авторы опирались прежде всего на его употребительность в Библии, где он кроме эстетической роли несет смысловую нагрузку, которая определяется контекстом. П.Флоренский полагал, что в исторических книгах Ветхого Завета перечисление обычно используется для концентрации внимания читателя на теме повествования или на определенном объекте. В Новом Завете функция перечисления уже часто иная: оно имеет целью достижение абстрагирования от внешнего плана повествования и открывает другой уровень, на котором рассматриваемые события приобретают не просто общеисторическое, но сакрально-мистическое значение (Флоренский). Обе эти функции присущи перечислению и в средневековой литературе, в том числе и древнеславянским книжным памятникам, в частности – переводам «Богословия» и Ареопагитик.

Перечисление может быть построено на синонимах, но может представлять собой ряд слов, не находящихся между собой в отношении синонимии. В изучаемых текстах ряды перечисления составляют в основном не-синонимы. Синонимическое перечисление, свойственное стилю «плетения словес», с его функцией выработки гиперонима заменяет в этих памятниках однокорневой повтор. Для несинонимичных слов перечислительных рядов в богословских памятниках релевантна связь с общим референтом. Такие логические отношения подобны отношениям гипонима – гиперонима в языке; слова, которые входят в перечислительные ряды не суть языковые синонимы, но они исполняют роль «синонимических» символов.

Из всех средств ритмизации в ранневизантийской прозе чаще всего употребляются те, которые объединяют образ слова (фонетический, структурный) с образом текста. В синтаксически соотнесенных отрезках текста может повторяться также одна и та же служебная – формообразующая или словообразующая – морфема. В этом случае мы говорим о таких приемах как гомеоарктеон (единоначатие) и гомеотелевт (единоокончание), способных организовать и ритмизировать текст (синтаксический параллелизм). Эти же средства используются и переводчиками. Передача приемов ритмизации текста в переводе – одна из наиболее сложных задач, потому как в просодическом аспекте тексты не совпадают. Максимально, чего может добиться переводчик, – на месте греческого гомеотелевта использовать тот же прием единоокончания, но на материале славянского языка. Чаще всего, переводчик пользуется заданным набором средств организации текста, но вне зависимости от употребления этих приемов в тексте-образце.

Текстообразование и в формате риторических фигур, и в плане ритмических структур неразрывно связано со словообразованием. Греко-византийские переводимые источники были богаты всевозможными видами и формами «извития словес». Славянские книжники, занимающиеся переводом греческих сочинений, безусловно, были знакомы с античной и византийской поэтикой, многие из них получали образование в Византии. В славянской народной поэзии тоже встречаются и формулы, и перечисления, и средства ритмизации, так что византийское «плетение словес» не было явлением абсолютно новым для славянского языка. Но все же славянский язык, несмотря на подготовленность переводчиков, не был еще готов передать все многообразие византийской риторики по причине внутриязыковой.

Связь словообразования и текстообразования в древнеславянском памятнике важна по следующим причинам. Эта связь предполагает, во-первых, наличие устоявшейся системы словообразования и, во-вторых, надсинтагменного взгляда на текст. Эти две важные составляющие, как мы уже имели возможность убедиться, находились во времена Иоанна экзарха еще в процессе становления. Собственно говоря, в его текстах и в текстах его современников это становление как раз и проходило.

В эпоху, когда появились славянские Ареопагитики, взгляд на текст поменялся в связи с тем, что древняя синтагма распадается, чаще всего расширяясь до многочлена, в котором действуют уже другие правила функционирования и для всякого вида повторов, и для ритмических структур. Кроме того, расширение текста увеличивает возможности его эстетического построения, что мы и наблюдаем на примере Ареопагитик.

Связь словообразования и текстообразования выражает проявление парадигматических связей языка в синтагматике текста или даже порождение парадигматических отношений через особенности текстопостроения. Особенно это касается иерархических отношений в лексической системе языка – отношений гипонимов к гиперониму. Установлению этих отношений по-разному способствует и однокорневой повтор (отбор гиперонима), и перечислительные ряды (определение гипонимов и закрепление их отношения к гиперониму, генерализация существенных признаков), и ритмические структуры (эмфаза гиперонима – имплицитно или эксплицитно).

Наконец, по наличию, характеру, особенностям связи словообразования и текстопостроения мы можем судить не только о риторической стороне памятника, но о состоянии словообразовательной системы языка и об отношении слова и текста в целом. Эта связь останется релевантной до конца XVII века. С формированием нового типа текста она становится достоянием преимущественно поэтических произведений.

Наконец, последний параграф первого раздела (п. 1.4.) посвящен переводам богословских сочинений, появившимся в переломный для истории литературного языка период – второй половине XVII века. Переводы «Богословия» и Ареопагитик, выполненные представителями течения грекофилов Епифанием Славинецким и Евфимием Чудовским, вбирают в себя и отражают в комплексе ряд явлений и процессов, характерных как для исторического развития языка, культурологических предпосылок, так и для индивидуальной манеры самих переводчиков.

Принадлежность к сторонникам возрождения и сохранения греческих истоков русского православия обусловила переводческую доктрину обоих переводчиков, заключающуюся в буквальной пословной передаче греческого текста, который должен был просвечивать сквозь перевод. К факторам культурно-исторического плана, нашедшим отражение в переводах, отнесем также и распространение так называемого «русского барокко» с его эстетикой вычурности и намеренного усложнения. Это намеренное усложнение мы наблюдали на примере окказионального словообразования и морфемного «нагромождения», а также новых заимствований.

То же окказиональное словообразование имеет и другое объяснение – в историческом этапе уточнения содержания понятия (идеации). К явлению этого плана отнесем также поиски и закрепление терминов-гиперонимов и, конечно, сам метод многослойной редакторской правки, особенно заметный в рукописном наследии Евфимия Чудовского. Все это разрушает классический текст-образец и выводит нас тем самым на новый виток развития литературного языка, предполагающий выработку нормы и создающий предпосылки для развития стилистической системы в новом ее понимании.

Раздел завершают краткие выводы (п. 1.5.).

Во втором разделе **«Роль богословских переводных памятников в истории русского литературного языка»** рассматриваются те феномены переводных богословских текстов, которые в разной степени имели значение для истории русского литературного языка. Речь пойдет в основном об уже известных процессах синтагматики текста и парадигматики языка в диахроническом плане. Для нас важно показать взаимовлияние синтагматики и парадигматики в постепенном сложении литературного языка и стиля. Частными вопросами этого раздела становятся, таким образом:

- 1) становление лексической и словообразовательной синонимии в связи с определенными переводческими приемами (лексические дублиеты, варианты, пояснительные конструкции, расширение формул, глоссирование);
- 2) формирование определенных словообразовательных типов и моделей в связи с калькированием;

- 3) проявление сущности субстантиватов как грамматических калек и их влияние на лексические и грамматические языковые процессы;
- 4) появление идеи превосходства и способы ее оформления в связи с неоплатоническо-христианской идеей трансцендентности и воплощением этой идеи в тексте оригинала;
- 5) рождение термина в связи с терминологической насыщенностью оригинала;
- 6) определение стилистических характеристик и стилистической принадлежности богословских текстов.

Данные частные вопросы составляют общую проблему, решение которой и является основной задачей этого раздела. Это диахронический взгляд на формирование понятия и развития стиля в их взаимосвязи, ибо «стиль – всегда следствие изменений по линии язык-мышление» (Колесов). Переводная книжность богословского содержания является не только «силовым полем», стимулирующим эти процессы, но и объектом воздействия сложных, выстраивающихся в языке отношений. Кроме того, одной из центральных проблем этого раздела является проблема духовного языка XVIII – XX веков, а также судьба церковнославянского языка и связанные с ней некоторые актуальные проблемы современной стилистики.

Наблюдения над тремя явлениями сходного генезиса (переводческие дублеты – лексическая и словообразовательная вариативность – глоссирование) в истории средневекового переводного текста (п. **2.1.1.**) позволяют сделать следующие выводы:

1. Переводческие дублеты, лексические и словообразовательные варианты, характерные для организации древнеславянского текста, отражают поэтапное развитие мышления: с усилением дискретности мысли происходит раздвоение древних формул, воспринимавшихся в единстве образа, до лексических вариантов, представляющих разные стороны одной идеи, трансформировавшихся в варианты-глоссы. Все три явления могут сосуществовать в одном тексте: во-первых, смена парадигм мышления происходит не одномоментно; во-вторых, дублетность или вариантность в той или иной форме становятся традиционным приемом славянской переводной книжности и остаются таковым, даже когда меняется их ментальная подоплека.

2. Вариантность переводного текста, являясь языковым выражением неоплатонической теории образа, не может быть не связана с греческим оригиналом. Связь эта неодинаково интенсивна на разных этапах языкового развития и неодинаково себя проявляет. С другой стороны, вариантность поддерживается лексико-семантическими и словообразовательными отношениями, существующими в языке объективно. Иными словами, вариантность как отношения синтагматические и синонимия как отношения

парадигматические взаимосвязаны и обуславливают друг друга. Вариантность текста способствовала развитию синонимических отношений в языке. Но наступил момент, когда парадигматические отношения стали оказывать влияние на синтагматику текста. Об этом свидетельствует определенный отрыв от греческого образца, увеличение количества предлагаемых вариантов и проявление в них особенностей, свойственных языку определенного периода (например, западнорусских и западнославянских заимствований в XVII веке и т.п.). В момент усиления влияния парадигматических отношений языка на текст происходит рождение стиля как самостоятельной категории – стиля для определенного тексто-жанрового единства, но уже отделенного от него происходящими изменениями в системе «язык – текст».

3. Слово как феномен в истории литературного языка проходит через значительные изменения. В языке первых книжных памятников границы слова – и формальные, и содержательные – размыты, но постепенно уточняется объем понятия (в частности, в формулах-дублетах), затем его содержание (в частности, через лексические варианты), «утрачивается» его морфемный состав (в частности, через словообразовательную вариантность и синонимию), определяется грамматический статус и грамматическое оформление. Изменения слова определяют не только вид, но и цель вариантности на каждом их этапе: в первых книжных памятниках, когда семантические и словообразовательные отношения в языке еще не развиты в нашем понимании, а точнее – имеют особый характер, вариантность является своего рода апробацией разных языковых возможностей, воплощением языковых потенций; в XIV-XVI веках происходят попытки семантической и функциональной дистрибуции на достигнутом уровне развития лексической системы; для XVII века характерны два совершенно разных процесса – формальная дифференциация в соответствии с греческим оригиналом и нарастающее влияние парадигматических отношений языка на текст; наконец, в XVIII-XIX веках происходит новая апробация языковых возможностей на основе сложившихся лексико-семантических отношений.

Следующий параграф второго раздела (2.1.2.) посвящен проблеме калькирования. Семантическое и структурное калькирование давно и безоговорочно признано одним из излюбленных приемов средневековых переводчиков в передаче новых для принимающего языка понятий. Семантическое калькирование представляет собой более редкий способ, чем калькирование структуры слова оригинала. Тем не менее можно констатировать существенную роль обоих приемов в развитии лексической и словообразовательной системы древнеславянского – а через него и русского литературного языка.

Семантическое калькирование предполагает наделение существующего в языке слова новым, заимствованным из языка-источника значением. Особенность этого процесса на славянской почве состояла в следующем. Во-первых, семантическое калькирование более свойственно ранним переводным памятникам, в которых появляется необходимость актуализации значений, связанных не только с новым христианским вероучением, но и с новыми научными знаниями, транслируемыми через эти тексты. Во-вторых, семантическое калькирование совпадает, таким образом, хронологически с периодом семантического синкретизма славянской лексики, поэтому приобретаемое новое значение встраивается в уже имеющийся в языке семантический комплекс определенного слова и проявляет себя (по крайней мере, в начале истории своего функционирования) только в своеобразном поле напряжения между конкретным контекстом и его оригиналом. Предположим, что семантический синкретизм в принимающем языке был фактором, способствующим семантическому калькированию. А семантическое калькирование в свою очередь сдерживало собственно лексическое заимствование. Тот факт, что в языке ранних славянских переводов удельный вес собственно лексических заимствований весьма невелик, несмотря на «необразованность» (Горский, Невоструев) – в особенности по сравнению с византийским греческим – языка, отмечали многие исследователи древнеславянской книжности. Не умаляя достоинства переводческого искусства, подчеркнем, что предпосылки к умеренному использованию заимствований содержались в самой лексической системе славянского языка.

В первом переводе Ареопagitик новых семантических калек обнаруживается в относительном плане гораздо меньше, чем в «Богословии», и это в основном новые термины (или попытки их создать): **рачительство** (изначально ‘страсть, удовольствие’) в значении ἔρως ‘экстатическая любовь, божественный эрос’, **тимѣние** (изначально ‘тина, грязь’) в значении ὕλη ‘материя’ и немногие другие. С одной стороны, такое положение вещей связано с активным продолжением распада семантического синкретизма; с другой стороны, к XIV веку основной лексический состав богословской литературы устоялся, семантическое калькирование использовалось только для некоторых обновлений старых эквивалентов или создания немногих новых.

Здесь нужно заметить, что калькирование – как семантическое, так и структурное – явление сиюминутное: калька создается и какое-то время имеет налет новизны, но затем начинает существовать самостоятельно, не соотносясь более с языком-источником, и не только подчиняясь законам воспринимающего языка как его органическая часть, но и внося в них коррективы и иногда создавая новые законы. В отличие от собственно лексического заимствования, период адаптации кальки, в особенности кальки семантической, значительно короче. В

этом заключается большой потенциал калькирования в вопросе влияния на лексическую систему воспринимающего языка.

Как связан распад синкретизма и снижение доли семантического калькирования в переводных текстах? При распределении значений бывшего синкретичного слова между разными референтами меняется взгляд на взаимоотношения между самими значениями. Если при новом положении вещей смысловая связь между значениями сохраняется, то мы говорим об омонимах, возникших словообразовательным путем (семантическое словообразование); если же смысловая связь отсутствует, мы воспринимаем новые слова как омонимы, возникшие лексическим путем, чаще всего в результате случайного звукового совпадения совершенно разных слов. Таким образом, с распадом синкретизма в языке возникают новые парадигматические отношения, меняющие не только лексическую систему самого языка, но и вносящие изменение в отношения между языком-источником и воспринимающим языком при переводе. К тому же при этом семантические возможности слова, которые использовало семантическое калькирование, сокращаются – в частности, компенсируясь увеличением деривационных потенциалов слова. Последние начинают активно развиваться и функционировать, существенно понижая долю семантического калькирования.

Семантическое калькирование в тексте явилось в какой-то мере прообразом семантического словообразования в языке, которое начинает развиваться только после распада семантического синкретизма в связи с появившейся возможностью переноса значений и образования вместе с тем новых лексических единиц. Механизм переноса значений отработывался еще в рамках семантического калькирования.

Структурное калькирование также, несмотря на кажущуюся ясность процесса, ставит перед исследователями ряд вопросов, до сих пор не получивших основательного и последовательного освещения в научной литературе. Во-первых, это вопрос соотношения формы и содержания (значения) в структурно калькированном образовании. Во-вторых, это вопрос соотношения структурного калькирования и словообразовательных процессов внутри воспринимающего языка. В-третьих, это вопрос о судьбе калькированного слова в языке и влиянии калькирования на собственно внутриязыковые словообразовательные и лексические процессы. Все три вопроса тесно связаны между собой, и решать их можно тоже только в комплексе.

Мы уже писали о том, что калькирование – это процесс, можно сказать, единоразовый. Структура слова исходного языка повторяется в слове воспринимающего языка, при этом слово воспринимающего языка вместе со структурой заимствует из исходного языка также и значение: в момент калькирования значение нового слова равно сумме значений его структурно

составляющих (морфем). Уже в самом начале этого процесса заключен парадокс: слова языка-источника, прежде чем структурно повториться в воспринимающем языке, в большинстве случаев должны были подвергнуться реэтимологизации, поскольку, как слова производные, они соотносились с определенным производящим и выделяли в своем составе только производящую основу и формант, и значение их не складывалось из суммы значений каждой из исторически приобретенных словом морфем, но переводчик производил аналитическое действие по выявлению морфемной структуры слова-образца (иногда, кстати, допуская ошибки). Итак, калькированное слово появляется в тексте, оно имеет статус окказионализма и в этом статусе оно может функционировать в определенном типе текста достаточно долго, поддерживая равновесие между суммой своих составляющих и общим значением и стремясь сохранить прозрачную внутреннюю форму. Но с момента возникновения кальки в тексте начинается ее взаимодействие и с системой воспринимающего языка, и в языке калькированное образование как таковое не может существовать долго, поскольку это нарушает принцип идиоматичности слова: калька должна либо адаптироваться, либо исчезнуть.

Если переводчик, калькируя образование исходного языка, опирается на живые потенции славянской языковой стихии, то в результате новое слово встраивается в определенные парадигматические отношения, существующие в языке, или само порождает новую жизнеспособную словообразовательную модель языка (мы описываем некий идеальный случай – на практике это, как правило, не одно слово, а ряд однотипно переведенных слов, то есть уже заранее с задатками модели). В результате калькированное слово постепенно теряет зависимость от слова оригинала через нейтрализацию морфем – в этом процессе основную роль играет обретение им мотивированности с другим словом в рамках воспринимающего языка; соотнесенность с конкретным словом рождает новую членимость, а новая членимость – новое словообразовательное значение, которое корректирует изначальное (калькированное вместе со структурой) лексическое значение. В результате изначальные морфемные «швы» в калькированном слове «сплавляются» и остается только один – маркирующий производящую морфему; слово деэтимологизируется и достигает своеобразного предела, к которому оно стремилось, – идиоматичности.

Весьма показательная ситуация в этом плане складывается в XVII веке, когда в переводах богословских текстов появляется огромное количество новых структурных калек, большинство которых, однако, не сохранилось ни в церковнославянском языке (если сравнить те же переводы с последующими, сделанными в XVIII веке), ни, тем более, в русском литературном языке. Ср. такие новообразования из переводческого наследия Евфимия Чудовского, как:

мѣжезрѣтельное (ἀρρενωπόν), **разглагольникъ** (διαλεκτικός), **Ѹдовосозорно** (εὐσύνοπτος), **вѣдержавство** (περικράτησις), **возможественна** (ἐνδυναμωθέντα), **напечатствія** (ἀπομόρματα), **предвѣываютъ** (προένεστι), **сѣноратовати** (σκιαμάχομαι), **бавствование** (μαίευσις) и др., а также «кентавры» типа **престіхійствованіе** (μεταστοιχίωσις), **протѣпствованіе** (протύπωσις), **несхматственный** (ἀσχημάτιστος) и многие подобные. Причина, по которой эти окказиональные образования возникали, стала парадоксальным образом и основанием их недолговечности: переводчики стремились передать структуру слова языка-источника, его внутреннюю форму даже там, где она была затемнена уже в самом греческом, при этом проявленная внутренняя форма должна была обязательным образом сохраниться в славянском. Эта установка противоречила основной линии языкового развития (через нейтрализацию морфем калькированного слова к его идиоматичности), поэтому новообразования грекофилов остались чужды литературному языку.

Нам представляется необходимым ввести типологию структурных калек (и параллельных образований) на основании того способа словопроизводства, с которым будет соотноситься калькированное слово впоследствии, уже в системе языка. Так, можно вычленить: а) префиксальные калки, б) суффиксальные калки, в) конфиксальные калки, г) калки-компози́ты, д) калки-сращения. Особое значение для развития системы литературного языка имели конфиксальные калки и калки-компози́ты.

Калькирование греческих слов, имевших начальное ἄ-privativum, какие были характерны для текстов апофатического богословия, изначально давало структуры, не свойственные словообразовательной системе русского языка, не имевшие на первых порах в ней поддержки. В ходе словообразовательного освоения этих слов они получали в русском языке мотивированность и укрепляли свою конфиксальную, не характерную для словообразовательной системы русского языка структуру (**родъ > съ-род-икъ**, **мѣзда > вѣз-мѣзд-икъ** и т.п.).

Эти широко распространенные в книжном языке калькированные конфиксальные структуры взаимодействовали с русскими суффиксированными предложно-падежными формами и оказывали на них парадигматическое давление. Ср., например, исконно русские образования **розводѣкъ**, **розмирьѣ**, **розратѣкъ** (на что указывает и характер приставки) и т.п. и калки типа **раздѣленіе** (διαίρεσις), **различіе** (διαφορά), **растѣльнѣ** (διαφθора) и т.п.

В условиях семантического синкретизма суффиксация предложно-падежных форм была одним из средств компрессии текстовых синтагм в слово. Конфиксация как самостоятельный способ словообразования могла возникнуть только на определенном этапе истории языка. Этим этапом стал период

разрушения семантического синкретизма языковых единиц, в ходе которого происходило укрепление языковой парадигматики и, как следствие, усиление значимости исходных форм слова (номинатива в имени и инфинитива в глаголе). В результате образованные ранее на базе предложно-падежных форм производные суффиксальные дериваты переориентируются на исходные формы, происходит их перемотивация, своеобразное переразложение в сфере этих производных и выделение уже на русской почве конфиксальных структур. И когда начиная с XIV века в них стал активно формироваться конфиксальный способ словопроизводства на исконно славянской основе, конфиксальные структуры книжного языка (кальки с греческого) оказали большое влияние на развитие этого процесса.

Кальки-словосложения и кальки-сращения функционально не отличаются друг от друга. Вокруг сложных слов концентрируются особенности текстообразования переводного памятника. Сложное слово в свернутом виде содержит информацию о действительности в том объеме, который обычно может передать с одной стороны словосочетание, или даже в некоторых случаях предложение, а с другой стороны – простое производное слово. Это свойство сложных слов в полной мере реализуется при переводе греческих памятников на славянский язык.

Во-первых, в текстах, подобных исследуемым, словосложение используется как стилистическое средство; во-вторых, некоторые древние словосложения (особенно с интенсификаторами *благо-*, *бого-*, *зло-* и т.п.) вошли в активный запас русского литературного языка; в-третьих, с развитием русского литературного языка словосложение нашло активное применение в ряде сфер, поскольку композит стоит где-то посередине между аналитическим и синтетическим способом выражения мысли: синтетическая форма заключает в себе аналитическое содержание. Композиты заключают в себе, таким образом, диалектику отношений *понятия* и *суждения*.

Структурное калькирование переводных памятников имело, следовательно, достаточно большое воздействие на словообразовательную систему русского литературного языка: оно могло активизировать некоторые общие способы словопроизводства (словосложение, некоторые суффиксальные модели) или оказывать влияние на формирование новых (конфиксация). Калькирование было мощным катализатором словообразовательных процессов в истории русского языка. И одно из парадоксальных свидетельств этому – отказ переводчиков от калькирования в определенных случаях.

Отказ от калькирования – это не нарушение переводческой концепции и не особая техника перевода. Это одно из тех явлений, которые говорят о глубинной связи между книжно-письменным древнеславянским языком и живой славянской языковой стихией. Тщательное калькирование в

переложениях грекофилов в XVII веке делает их перевод, по выражению Калайдовича, темным, по сравнению с ясным и чистым переводом Иоанна экзарха Болгарского, поскольку язык последнего более естествен и близок к народному диалекту.

Мы полагаем, что в богословской литературе был еще один вид калькирования – калькирование грамматическое. Это относится к так называемым субстантиватам, которым посвящен п. 2.2. Субстантивированные прилагательные, причастия и глагольные формы составляли неотъемлемую часть языка византийских богословских памятников и были «скопированы» славянскими переводчиками. Если субстантивация прилагательных и даже инфинитива была органичным явлением для славянского языка, то переход финитных глагольных форм в разряд существительных – черта только греческая, она проникла в церковнославянский именно через переводные тексты, но не прошла дальше в живые славянские языки.

Почему мы относим это явление к калькированию? Субстантиваты появляются в самых ранних переводах, в эпоху синкретизма, когда имя еще не окончательно дифференцировалось на субстантив и адъектив, поэтому говорить о переходе одного в другое на материале славянского языка трудно. Уже с распадом грамматического синкретизма можно говорить о семантическом способе образования новых субстантивированных имен, если четко различаются прилагательное и образованное от него новое существительное и между ними есть мотивирующая связь. Таким образом, изначально «субстантивация» первых переводных памятников была явлением заимствованным, позже она была поддержана явлением семантического словообразования на материале славянского языка без соотнесения с греческим. Почему это калькирование грамматическое? Ясно, что речь не идет о создании нового лексического значения у таких имен в переводе, кроме того, прилагательные или глаголы, служившие основой субстантивации, могли быть непроеизводными, зато грамматическая форма субстантиватов обычно тщательно передается в славянском языке книжного памятника: артикль греческого слова преобразуется в переводе либо в анафорическое местоимение **иже**, **ѡже**, **ѡже**, либо в энклитик **и**, **ѡ**, **ѡ**, присоединяемый к прилагательному изначально как показатель его определенности (греческий член тоже воспринимается переводчиками как показатель определенности, хотя это спорно), то есть калькируется грамматическая форма, включающая вполне устойчивый для греческого языка грамматический показатель.

Значение субстантиватов в развитии лексико-семантических отношений заключается в следующем. Во-первых, наряду с семантическими кальками, субстантиваты больше всего, пожалуй, претендуют на роль терминов в древнеславянских переводах богословских текстов, поскольку именно в их сфере

отчетливо проявляется единообразие при их передаче – от самых первых переводов до исхода древнеславянского периода. Во-вторых, их удельный вес в текстах достаточно велик, и в смысловом отношении они часто являются стержнем философских рассуждений, так что, несмотря на относительное уменьшение их количества в поздних переводах, они вошли в языковое сознание как одна из удачных и продуктивных моделей создания термина, что реализуется и в языковом аппарате современной науки. В-третьих, их история наглядно демонстрирует изменения в характере мышления и отражение этих изменений в языке, а именно на примере развития идеи качества и ее языкового воплощения. С нарастанием дискретности в характере мышления появляется возможность передать идею качества аналитически. Развитие абстрактности мышления дает импульс развитию отношения производности в языке, в том числе и применительно к воплощению отвлеченной идеи качества. Оно способствует закреплению словообразовательного значения качества за определенными словообразовательными формами и, тем самым, со своей стороны оказывает поддержку активно развивающейся словообразовательной системе языка.

Значение субстантиватов в развитии грамматических отношений не столь явно, но его невозможно игнорировать. Отражение категории определенности в субстантивате, как это воспринималось еще в XVIII веке, не получило продолжения в русском литературном языке, поскольку эта категория и для зрелого церковнославянского была надуманной, мертвой. Но грамматический компонент калькированного субстантивата сыграл свою роль в становлении разветвленных синтаксических отношений в литературном языке: анафорическое местоимение, копирующее греческий артикль, в переводном тексте начинало подспудно существовать по законам славянского языка, накапливая в себе предикативные валентности. Эта свернутая предикативность древнеславянского текста начнет проявлять себя в XVIII веке и, прежде всего через так называемый «гибридный церковнославянский», поддерживать и развивать сложившиеся несколько ранее в русском литературном языке гипотактические отношения в самых разных их формах.

История субстантиватов отражает путь от образа к понятию и от понятия к суждению. Древнеславянское субстантивированное прилагательное (образ) через ступень аналитического сочетания (прилагательное + слово *вещь*, *сущность*, *люди*, *сила* и т.п.) переходит в новое качество – «новый», то есть созданный по внутренним языковым моделям и не зависящий от влияния другого языка, субстантиват или морфемное производное, за которыми стоит понятие. Древнеславянские субстантивированные глагольные формы (образ) можно рассматривать в качестве субстрата понятия с момента, когда они начинают восприниматься как аналитические формы; они трансформируются либо в морфемное производное (понятие), либо – через ступень субстрата

суждения (ощущение свернутой предикативности) – в суждение. Развертывание древнего слова-образа до современной предикативной единицы включает в себе всю сложность отражения ментальных преобразований в языке. На примере субстантиватов мы показали, насколько порой не схематичным, а нелинейным и разветвленным был этот процесс.

Богословские переводные памятники не только оказали влияние на развитие православной философии и мировоззренческие парадигмы в славянском мире, но и имели значение для формирования или укрепления в языке некоторых грамматических категорий, это мировоззрение отражающих. Среди них – суперлатив как выражение значения превосходства (п. 2.3.). Это значение, закреплённое за определенной формой, существовало в греческом языке, где парадигма степеней сравнения была полной, – и не только существовало, но и широко использовалось именно в памятниках византийского любомудрия. Кроме того, логический суперлатив в византийском греческом имел и другие многообразные формы выражения помимо формообразующих суффиксов.

В славянских переводах используются те же виды и формы «суперлатива»-элатива, что и в греческом, без насилия над возможностями славянского языка, так как арсенал этих средств (грамматические формы степеней сравнения, префиксация, словосложение и др.) естествен как для греческого, так и для славянского языка. В результате два основных философских метода христианского неоплатонизма – апофатический и катафатический – находят верное отражение в славянском переводе, и философские построения оригинала ничем не нарушаются. Более того, в славянском тексте с помощью ряда средств (однотипные формы сравнительной степени в функции элатива, распространение приставки **пре-**, первый элемент сложных слов **благо-**) усиливается символическое поле, указывающее на трансцендентность предмета обсуждения.

Функционально суффикс **-ѣйш-** не был в строгом смысле слова формообразующим формантом – он вполне встраивается в общую систему словообразовательных средств для выражения идеи трансцендентности (об этом, в частности, говорят и случаи использования этого суффикса при переводе греческих слов, в которых идея превосходства выражена чисто семантически). Но именно в процессе выравнивания парадигмы он становится грамматическим показателем того значения, которое вызревает в памятниках византийского богословия, перенесенных на славянскую почву. И в этом проявляется еще один пример взаимодействия парадигматических (язык) и синтагматических (текст) отношений. В языке выстраивается парадигма, вследствие чего выделяется новый формообразующий элемент, но значение этого форманта закрепляется благодаря основной идее богословской

литературы, в которой соответствующие формы активно употребляются в связи с необходимостью выразить эту центральную мысль – мысль о трансцендентности Бога. Авторитет текста закрепляет за формами выражения логического «суперлатива» именно элативное значение – превосходство вне всякого сравнения, поскольку таковое сравнение невозможно в принципе. Сформировавшиеся под несомненным влиянием богословских текстов типа Ареопагитского корпуса новые формы в единстве форманта и его грамматического значения становятся позже формами превосходной степени, которая искони не имела особых средств выражения в славянском языке, и до сих пор употребляются преимущественно в элативном значении, в чем, по мысли В.В. Колесова, нашла свое выражение особенность развития ментальной идеи превосходства в русском языковом сознании.

Следующие параграфы второго раздела диссертации направлены на решение проблем становления стилистической системы литературного языка (2.4.) и рождения термина (2.5.).

Начало сложения современной стилистической системы русского литературного языка можно отнести к XVIII веку. Ему предшествовала долгая история бытования текста-образца, включавшего в себя жанрово-стилистические характеристики и функционировавшего как стилистическая норма. Постепенно единство текст-стиль-жанр распадается, параллельно меняется отношение к слову. Но XVIII век в истории перевода богословских памятников принес и новые проблемы. Это два вопроса, первый из которых касается сущности так называемого «духовного языка», то есть языка церковных текстов, в XVIII-XIX веках, а второй связан с развитием этого языка до наших дней – речь идет о проблеме шестого функционального стиля литературного языка, стиля «церковно-религиозного», или «религиозно-проповеднического».

Анализ богословских памятников в переводах XVIII века подводит нас к следующим выводам:

- 1) язык духовной литературы консервативен: в нем не только дольше проходят отдельные процессы (например, процесс идеации), но и сам он склонен сохранять свою самость, (церковнославянскую) традицию, создающую ситуацию двуязычия *in potentia*, которая никак не может реализоваться *in actu*;
- 2) этой реализации мешает как осознание достоинства церковнославянского самого по себе, так и приличествование его текстам духовных жанров;
- 3) переводчики XVIII–XIX вв., избирая для своих переложений церковнославянский язык, останавливаются на нем свой выбор не как на системе, но как на «тексте-образце» – в лучших традициях этого языка, поэтому и получают столь разные конечные результаты: о. Паисий

Величковский считает для себя текстом-образцом первый перевод Ареопagitик, другой, анонимный переводчик – вообще тексты эпохи «извития словес»; та же тенденция будет продолжаться и в XIX веке: инок Серапион выберет для своей компиляции в качестве «образца» переводы старца Исаяи и Паисия Величковского;

- 4) в свою очередь это свидетельствует о том, что невозможно более воспринимать «текст-образец» в средневековом смысле: синкретичное единство текст-жанр-стиль распадается к этому времени окончательно, и, чтобы создать текст определенного жанра, приходится искать нужный стиль; «текст-образец» в данный период – это, фактически, категория стилистического плана, которая к тому же позволяет формировать и стиль индивидуальный;
- 5) поиски переводчиков, ориентировавшихся на образцы церковнославянские, и выбор в конце XVIII века Моисеем (Гумилевским) в качестве языка перевода нового русского литературного языка с элементами церковнославянского – явления одного плана;
- 6) таким образом, вопрос о двуязычии снимается, если перевести его в жанрово-стилистическую сферу: разница между «славянским диалектом» и «русским языком», безусловно, ощущается переводчиками, но функция «славянского» (в отношении с «русским») и сфера его функционирования до конца еще не определены.

Переводные памятники богословской литературы были в XVIII веке своеобразным мостом между новым русским литературным языком и церковнославянским языком богослужения, так что применительно к этому времени невозможно говорить о ситуации двуязычия (русский и церковнославянский). Но и в богословских сочинениях церковнославянское начало, проявляющееся в основном в лексике, становится все более стилистическим фактором, а язык этих сочинений постепенно русифицируется. То, что в XVIII веке считалось образом стиля (подражание тексту-образцу, восстановление достоинства церковнославянского языка), становится в XIX веке самым стилем – и с этого момента можно говорить об осуществившемся двуязычии. Церковнославянский язык в своей консервативной форме остается языком богослужения. Русский литературный язык, воспитанный церковнославянским, идет путем секуляризации, но не теряет связи с той языковой стихией, из которой он вышел. Сегодня, когда интерес к богословским переводным памятникам резко повысился, вновь встает вопрос об их языковых особенностях и их стилистическом статусе.

В связи с этим в этом же параграфе мы обсуждаем проблему шестого функционального стиля, выделяемого сейчас многими лингвистами,

преимущественно российскими и восточно-европейскими: например, Л.П.Крысиным, О.А.Крыловой, И.Байеровой, М.Макуховской и др.

Выделение религиозно-проповеднического стиля связано не только с явными субъективными, но и с объективными факторами. Дело не только в значительном периоде превалирования атеистической картины мира, но и в том, что совершенно утратилась традиция устных выступлений. Если мы привычно делим наш литературный язык на книжно-письменную и разговорно-устную сферы, то идеальная проповедь представляет собой комбинированный вид – это образец книжно-устной коммуникации. Отсутствие культуры книжно-устной коммуникации – болезненная проблема носителей современного русского языка, но она связана не только с церковной средой, представляющей как раз исключение из общей печальной картины речевой некомпетентности.

Поставленная проблема, на наш взгляд, не разрешается простым введением нового понятия в теорию функциональных стилей. Сама идея вызывает у нас целый ряд серьезных возражений:

- 1) если говорить о русском национальном языке, то следует учесть, что обслуживает он не одно только православие – а об этом очень часто забывают; и если сравнить текст православной проповеди с текстом проповеди протестантской, то стилистически общего в них будет очень мало: в протестантизме нет никакой доли влияния церковнославянского языка, нет архаично-торжественной лексики, стиль публицистичен с сильным креном в разговорный; к тому же для русскоговорящих мусульман языком религии остается арабский, а для католиков официальный язык церкви – латинский (как бы там дело ни обстояло в реальной действительности) и т.п.;
- 2) фактор религиозного сознания, проще говоря – веры, действительно очень важен: он сильно привязывает «религиозный стиль» к субъекту и его восприятию, и в этом отношении любой текст (в широком смысле) церковно-религиозной сферы будет иметь совершенно разное отражение в сознании православного и неправославного, верующего и неверующего;
- 3) самый серьезный контраргумент – языковой: если мы говорим о православии (а о нем, в основном, и говорят сторонники шестого стиля), возможно ли сосуществование в рамках одного стиля двуязычия? Сфера православного богослужения – действительно особая сфера общественной жизни, и обслуживается она другим языком. С другой стороны, не всякий текст из церковно-религиозной сферы будет в обязательном порядке включать в себя славянизмы.

Оптимальным решением в создании современных богословских текстов было бы черпать из живого богатства церковнославянского языка (а это,

конечно, некоторый лексический запас и словообразовательные потенции), опираясь на национальную традицию перевода этих текстов и Священного писания (цитатность должна быть узнаваемой). Остается важный вопрос, который волновал и средневековых книжников, – вопрос меры.

В целом, проблема современных переводов богословских текстов не разрешима лишь умозрительными заключениями, второпях и заочно. Она требует тщательной разработки, при этом теория не должна опережать практику. И эти вопросы предстоит решать не только лингвистам.

Со сложением стилистической системы литературного языка связано и рождение терминологической системы. Богословские сочинения были первыми научными трудами, в которых научная мысль существовала еще в просматривавшейся связи мысли образной, то есть художественной. Изначальный синкретизм научной и художественной мысли обусловил позже совпадение многих законов религиозного текста и текста поэтического. Тем не менее, эта мысль требовала опорных пунктов своего языкового выражения – терминов. При всем несовпадении эйдосов слов-терминов эллинистически-замысловатого греческого языка византийских богословских памятников и исконных славянских слов, используемых для передачи греческих терминов, началу терминологии на славянском положили именно эти тексты. Если говорить о древнеславянской терминологии, мы должны принимать всю условность этого наименования и не проецировать современное состояние вещей на средневековую данность.

В конце XVII века складываются как внутриязыковые, так и экстралингвистические предпосылки рождения термина в современном смысле слова. С окончательным разрушением средневековой синтагматической связанности слова появляются объективные условия для развития слова в полноценно функционирующий в языке термин. Кроме того, потребность в устойчивой системе гуманитарной терминологии уже назрела, и представителями грекофильского течения были предприняты шаги – через переводные тексты – по ее выработке и стандартизации. Об этом свидетельствует, во-первых, стремление к точному переводу греческих слов; во-вторых, глоссирование, часто применительно к одним и тем же лексемам, с целью, по-видимости, последующего выбора одного термина. Однако эксперимент этот не был удачен для становления терминосистемы именно в силу неправильно выбранных средств.

Основные достижения в становление термина были сделаны в XVIII – XIX веках. Существовавшая неопределенность в выборе, каким должен быть язык духовной литературы, как ни парадоксально, создавала условия развитию термина тем, что делала возможной оппозиции, в рамках которых термин мог реализовать себя как таковой. Инвариант этой оппозиции: *общеязыковой*

гипероним – специальный термин. Наполнялась и разрешалась она по-разному. В итоге конкретных ее проявлений в переводных текстах возникает более частная оппозиция: *общеспециальное* – *индивидуальное*. Под общеспециальным мы подразумеваем более или менее общеязыковой термин, свойственный языку определенной сферы (в нашем случае богословской или философской), а под индивидуальным – слова, по своей сущности близкие к термину, но фигурирующие только в определенном памятнике, у определенного автора.

Термином может стать заимствование, но может и исконно славянское «бытовое» слово, установившее терминологическое значение на базе метонимического или метафорического переноса. Второй термин привычнее для сознания носителя языка, поскольку за ним – смыслы, культивированные на протяжении многих веков и впитанные нашим менталитетом. Современная гуманитарная терминология, во-первых, содержит слова, сохранившиеся в языке в течение тысячи лет и более и функционировавшие как термины уже в первых переводных памятниках; во-вторых, она использует те же механизмы и семантические основы создания термина, что были выработаны в процессе перевода книжных памятников на древнеславянский.

Раздел завершают краткие выводы (п. 2.6.).

В **Заключении** подводятся итоги исследования в соответствии с поставленными задачами.

Проведенный анализ показал, что языковые особенности изучаемых славяно-книжных памятников обусловлены в общем и целом двумя объективными факторами: во-первых, это памятники *переводные*, во-вторых, это *богословские* сочинения, изложенная в них философская система влияла на их языковой облик и на язык их переводов. Эти факторы необходимо учитывать при изучении богословских переводных памятников в контексте истории русского литературного языка, поскольку основные отклонения от магистральной линии языкового развития связаны именно с их переводным характером и богословским содержанием. С другой стороны, именно такой характер этих текстов обусловил протекание в них определенных процессов, что в свою очередь сыграло определенную роль в истории литературного языка. К объективным факторам присоединяется и субъективный – фактор языковой индивидуальности переводчиков. Таким образом, только комплексный подход к данному типу памятников позволил подвести итог нашему исследованию.

Основными философскими категориями, которые структурируют богословские трактаты как в плане содержания, так и в плане языкового выражения (от морфемики до текстопостроения), являются категории имени, образа и иерархии.

На неоплатонической теории образа базируется основная переводческая доктрина славянского средневековья – так называемая теория «пословного перевода», которую лучше было бы назвать теорией подобного образа. Она определяла переводческую технику вплоть до конца XVII века. Однако эта теория отличается своими реализациями в каждую из эпох. Реализации ее связаны с изменениями внутренних отношений слова и текста, то есть внутри иерархии текста.

Так, Иоанн экзарх Болгарский, первый переводчик «Богословия» Иоанна Дамаскина на славянский язык, в условиях семантического и грамматического синкретизма, когда слово полностью раскрывалось только в синтагме, ставит перед собой задачу сохранить не каждое слово оригинала и не точную последовательность синтагм, но **образ** отдельной **синтагмы**. Четырьмя столетиями позже, афонский старец Исайя, первый переводчик Ареопагитик, довольно скрупулезно относится к передаче грамматических форм и вместе с тем допускает вариативность при переводе отдельных слов, в том числе и ключевых – «несущих конструкций» синтагмы и текста. В этот период в семантике слова начинается процесс распада синкретизма, синтагма расширяется, мысленному взгляду переводчика становятся доступными широкие фрагменты текста. Но его ключевые слова, однако, еще трудно рассматривать вне синтагмы, поскольку их функционирование синтагменно обусловлено. Для Исайи важно не разрушить идентичность и целостность синтагмы, основной составляющей текста, поскольку, сохраняя ее, он сохраняет в образе (славянском переводе) первообраз (греческий оригинал). Следовательно, основной задачей перевода XIV века является сохранить **образ текста** как гаранта сохранения сущности и стоящего за ней смысла. Это было возможно в эпоху существования особого статуса текста, составляющего вместе с тем синкретичное единство со стилем и жанром.

В эпоху следующих переводов Ареопагитик и «Богословия» – в конце XVII века – переводческая доктрина выражается как раз в пословном и даже поморфемном переводе. Это было связано с тем, что слово теряет связь с синтагмой, само становится единицей построения высказывания (и в конечном итоге – текста), внимание переводчика сосредоточивается именно на слове. Верность первообразу, по мнению Евфимия Чудовского, переводившего Ареопагитики, и других грекофилов, можно было сохранить только при тщательном переводе каждого отдельного слова. Конечно, ими сознавалась необходимость соблюдения равновесия между семантикой слова и его структурой (формой), но предпочтение часто отдавалось внешней стороне – слову как морфемному комплексу. Таким образом, основной задачей Евфимия Чудовского, переводчика Ареопагитик, и его учителя Епифания Славинецкого, переводчика «Богословия», было сохранить **образ слова**.

В следующем веке, когда синкретичное единство текст-стиль-жанр распадется окончательно и взгляд будет направлен на стиль (от жанра), переводчики впервые отделяют смысл текста от его образа (или от образа его составляющих). Меняется доктрина перевода: акцент смещается на верное отражение смысла оригинала естественными для славяно-русского языка средствами. В связи с этим ярче становятся индивидуальные особенности стиля каждого перевода. Отрыв от греческого текста происходит не в результате единого и моментального акта как воплощения чьей-то воли. Он подготавливается постепенно и протекает достаточно сложно. Переводчики снова находятся в состоянии поиска, но теперь их поиск не ограничен границами синтагмы или заданного текста – он происходит в границах стиля. Именно в этой перспективе следует рассматривать церковнославянский язык, который они избирают для своих переложений богословских сочинений, выбирая его не как систему, а рассматривая его как «текст-образец» – в лучших традициях этого языка. Таким образом, главное для переводчиков XVIII века – сохранить *образ стиля*.

Итак, конец XVIII – начало XIX вв. – та граница, которая отделила церковнославянский от русского литературного как язык богослужения. Какое-то время в разных жанрах письменности существовало некое переходное состояние, в котором именно и решалась судьба церковнославянского. Одним из последних «бастионов» церковнославянского был язык духовной литературы, но и она в результате перешла на использование русского языка в его высоком книжном варианте, а церковнославянские элементы в нем перешли в категорию примет жанрово-стилистических.

Изучаемые переводы проходят через все три стадии познания действительности: *ментализацию, идеацию и идентификацию*. Проявления их в языке, а также семантико-структурная синкретсемиа или другие равные по значимости языковые явления претерпевают спиралевидное развитие, то есть имеют тенденцию возвращаться на новом витке развития языка. Так, понятие, раз закрепившееся в определенной сфере как общеродовое для конкретного класса предметов или явлений действительности, в силу сохраняющейся неустойчивости отношений между своим объемом и содержанием (в отсутствии идентификации) в следующую эпоху становится снова видовым обозначением, а выработка нового родового понятия проходит снова все обычные стадии.

В процессе уточнения сначала объема понятия, а затем его содержания очень важна связь словообразования и текстопостроения. Окаzionale словообразование и эстетическое текстопостроение были питательной средой, в которой выкристаллизовывалось понятие и суждение. Этому способствовал параллелизм образования слова и высказывания в отношении передачи

мыслительного акта. Взаимосвязь между производством слова и производством текста очевидна: первое поддерживает второе и расширяет эстетические возможности высказывания (текста).

Переводной характер памятника заставляет взглянуть на некоторые общеязыковые и общекультурные явления, отразившиеся в нем, в особом свете. Так, например, мы имели возможность наблюдать, что такие явления, как дублетные переводы (формулы), лексическое варьирование, пояснительные конструкции, глоссирование как неотъемлемая черта средневекового текста на разных этапах его существования в переводном памятнике получают обоснование неоплатонической теорией образа. С другой стороны, ряд приемов от дублетных сочетаний до глосс отражает развитие мышления в сторону дискретности и отвлеченности. Когда развитие мышления уходит вперед, приемы переводческой техники остаются в традиции как переводческое искусство. И, наконец, это же явление переводного текста начинает оказывать определенное влияние на становление парадигматических отношений в русском литературном языке и принимать участие в этом процессе, предлагая синонимические ряды, апробированные вековым узусом. При этом речь идет не об одностороннем воздействии, а о взаимодействии языка и текста.

Другой распространенный переводческий прием – калькирование – также способствует усилению взаимодействия текста и языка. Семантическое калькирование порождает самые первые философские термины в славянском. Структурное калькирование укрепляет формирующиеся в языке словообразовательные типы, утверждая за каждой словообразовательной формой словообразовательное значение. В рамках структурного калькирования возникли образования, которые впоследствии, функционируя в отрыве от греческого текста, обрели новую членимость и стали восприниматься как конфиксальные. Грамматическое калькирование субстантиватов отражает развитие идеи качества в языке и нарастание предикативности в тексте, способствуя усложнению гипотактических связей.

Богословский характер памятников тоже имел значение для некоторых явлений, отразившихся и в русском литературном языке: именно в богословских сочинениях неоплатонического характера вызрела искони чуждая славянскому языку идея превосходства, связанная с трансцендентностью божественной сущности и воплощенная в превосходной степени прилагательного.

Богословские переводные сочинения были первыми научными трудами, в которых зарождалась славянская терминология. Вплоть до наших дней терминологическая система использует это наследие как фонд или как модель для образования новых единиц.

Богословское содержание изучаемых памятников обусловило также консервативность их языка и стиля. Определенная консервативность, а также изначальная близость книжного церковнославянского и народно-русского языкового начал обуславливают непрерывность традиции. В этом особенность нашей культуры, вобравшей в себя достояние церковнославянского языка и усвоившей его как нечто «свое».

В силу же этих особенностей русский литературный язык унаследовал и комплекс проблем, связанных с языком духовной литературы, которые достаточно остро стоят и поныне и требуют своего разрешения.

В целом, богословские переводные памятники принесли в Slavia Orthodoxa основные символы греко-византийской культуры, которые были сопоставлены с символами славянскими, возведены посредством и в контексте духовной литературы в символы идейные, обогащенные и насыщенные новыми смыслами в истории своего функционирования на славянской почве, но сохраняющие на протяжении веков свою идентичность и ставшие, вследствие этого, ключевыми символами русской ментальности, для которой именно в этих текстах нашлось обозначение *духовность*.

Теоретические и практические проблемы, рассматриваемые в диссертации, а также смежные темы и вопросы отражены в следующих публикациях:

Монографии:

1. Николаева Н.Г. Трактат Дионисия Ареопажита «О божественных именах» в древнеславянском переводе / Н.Г. Николаева. – Frankfurt am Main [u.a.] : Peter Lang, 2000. – 255 S. – (Beiträge zur Slavistik ; Bd. 42). (12 п.л.).
2. Николаева Н.Г. Славянские Ареопажитики: Лингвистическое исследование / Н.Г. Николаева. – Казань: Казанский гос.ун-т, 2007. – 184 с. (11 п.л.).

Научные статьи в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных положений докторской диссертации:

3. Николаева Н.Г. Слово-образ в иерархии текста славянских Ареопажитик / Н.Г. Николаева // Вестник Московского гос.ун-та. Серия 9, Филология. – 2006. – № 5. – С. 7–29. (1,2 п.л.).
4. Николаева Н.Г. Представление о мире и языке в Ареопажитиках / Н.Г. Николаева // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 2. – С. 44–49. (0,5 п.л.).
5. Николаева Н.Г. Логический «суперлатив» и способы его передачи в славянском переводе Ареопажитик 1371 г. / Н.Г. Николаева // Вестник

- Санкт-Петербургского университета. Серия 9, Филология, востоковедение, журналистика. – 2007. – Вып. 3, ч.2. – С. 198–204. (0,5 п.л.).
6. Николаева Н.Г. Грамматические и словообразовательные правки Евфимия Чудовского в переводе Ареопагитик как отражение основных тенденций развития церковнославянского языка XVII века / Н.Г.Николаева // Вестник Челябинского гос.ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2007. – № 8 (86). – С. 60–66. (0,5 п.л.).
 7. Николаева Н.Г. Древнеславянские традиции перевода и их роль в развитии лексико-семантической системы русского языка / Н.Г. Николаева // Учен. зап. Казан. ун-та. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150, кн. 2. – С. 44–58. (1 п.л.).
 8. Николаева Н.Г. Субстантиваты церковнославянских богословских памятников в переводах XVIII века / Н.Г.Николаева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9, Филология, востоковедение, журналистика. – 2008. – Вып. 2, ч. 2. – С. 48–55. (0,5 п.л.).
 9. Николаева Н.Г. Традиции и инновации славянской переводческой культуры в XVIII веке (на материале перевода Ареопагитик) / Н.Г. Николаева // Вестник Челябинского гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2008. – Вып. 19, № 9 (110). – С. 86–90. (0,4 п.л.).

Статьи в других научных изданиях:

10. Николаева Н.Г. Лексико-семантические славяно-греческие соответствия в древних канонических текстах / Г.А. Николаев, Н.Г. Николаева // Актуальные вопросы русского языка и литературы. – Познань, 1996. – С. 37–41. (0, 3 п.л.).
11. Николаева Н.Г. Из истории текстовых формул древнерусского литературного языка : Суд и правда / Н.Г. Николаева // Studien zur russischen Sprache und Literatur des 11.–18. Jahrhunderts. – Frankfurt am Main [u.a.], 1997. – S. 333–340. – (Beiträge zur Slavistik ; Bd. 33). (0,5 п.л.).
12. Николаева Н.Г. Словообразовательная синонимия имен отвлеченного значения в языке перевода трактата Дионисия Ареопагита «О божественных именах» / Н.Г.Николаева // История русского языка : Словообразование и формообразование. – Казань, 1997. – С. 182–189. (0,5 п.л.).
13. Николаева Н.Г. Божественные имена **благо** и **свѣтъ** в древнеславянском переводе трактата Дионисия Ареопагита / Н.Г. Николаева // Актуальные проблемы исследования языка и речи : материалы международной научной конференции молодых ученых, Минск, 3–5 ноября 1998 г. : в 3 ч. – Минск, 1998. – Ч. 3. – С. 22–27. (0,4 п.л.).
14. Николаева Н.Г. Особенности именного словообразования в языке древнеславянского перевода трактата Дионисия Ареопагита «О божественных именах» / Н.Г.Николаева // Slavistische Studien zum XII.

- Internationalen Slavistenkongreß in Krakau 1998. – Frankfurt am Main [u.a.], 1998. – S. 177–188. – (Beiträge zur Slavistik ; Bd. 37). (0,7 п.л.).
15. Николаева Н.Г. Субстантиваты в славянском переводе трактата Дионисия Ареопагита «О божественных именах» / Н.Г.Николаева // *Florilegium Slavicum : Liber ad honorandum Herbert Jelitte* / herausgeb. Margot Soberoj und Elena Bogdanova. – Frankfurt am Main, 1998. – S. 337–357. (1,3 п.л.).
 16. Николаева Н.Г. Божественное имя *сущий* и категории бытия в трактате Дионисия Ареопагита «О божественных именах» и его славянском переводе / Н.Г. Николаева // Материалы Казанской историко-богословской конференции «Современный мир и богословские науки», Казань, 17(30)–18(31) марта 1998 г. – Казань, 1999. – С. 163–177. (0,9 п.л.).
 17. Николаева Н.Г. Древние формулы **небо** и **земля**, **тѣло** и **доуша** в евангельских текстах (на материале древнеславянских и древневерхне-немецких переводов) / Н.Г. Николаева // *Русская и сопоставительная филология : Взгляд молодых: сб. статей молодых ученых.* – Казань, 2001. – С. 221–232. (0,7 п.л.).
 18. Николаева Н.Г. Концепт ‘знание’ в древнеславянском языке (на материале Остромирова и Мстиславова евангелий-апракосов) / Н.Г. Николаева // *Избранные вопросы русского языка и лингводидактики.* – Познань, 2002. – С. 133–139. (0,4 п.л.).
 19. Николаева Н.Г. Представление о времени в древнеславянских переводах Евангелия / Н.Г. Николаева // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки.* – Т. 143. – Казань, 2002. – С. 181–191. (1 п.л.).
 20. Николаева Н.Г. Активные процессы в современном русском словообразовании : конфиксация / Г.А. Николаев, Н.Г. Николаева // *Русское слово в мировой культуре : материалы X Конгресса МАПРЯЛ, С.-Петербург, 30 июня–5 июля 2003 г. : Русский текст и дискурс сегодня.* – СПб., 2003. – С. 297–303. (0,5 п.л.).
 21. Николаева Н.Г. Представление о времени в древнеславянском Евангелии : слово **день** в системе темпоральной лексики / Н.Г. Николаева // *Русская и сопоставительная филология : Взгляд молодых.* – Казань, 2003. – С. 47–52. (0,4 п.л.).
 22. Николаева Н.Г. Формирование понятия времени в древнеславянском и древневерхненемецком языках (на материале первых переводов евангельских текстов) / Н.Г. Николаева // *Сопоставительная филология и полилингвизм : сб. науч. трудов.* – Казань, 2003. – С. 109–113. (0,3 п.л.).
 23. Николаева Н.Г. Представления о жизни в первых переводах Евангелия на древнеславянский и древневерхненемецкий языки / Н.Г. Николаева // *Лингвистические исследования : сб. науч. работ памяти проф. Г.Йелitte.* – Казань, 2004. – С. 144–152. (0,6 п.л.).

24. Николаева Н.Г. К вопросу о текстопостроении славянских ареопагитик / Н.Г. Николаева // Православный собеседник. Альманах Казанской духовной семинарии. – 2004. – Вып.3 (8). – С.253–258. (0,3 п.л.).
25. Николаева Н.Г. Представления о мире в переводах Евангелия на древнеславянский и древневерхненемецкий языки / Н.Г. Николаева // *Studia Polono-Ruthenica* : сб. науч. работ памяти проф. Альберта Бартошевича. – Казань, 2005. – С. 126–134. (0,5 п.л.).
26. Николаева Н.Г. Оказиональное словообразование в славянских Ареопагитиках и проблема его лексикографического описания / Н.Г. Николаева // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. – СПб., 2005. – С. 267–271. (0, 4 п.л.).
27. Николаева Н.Г. Роль церковнославянского языка в истории словообразования славянских языков / Г.А.Николаев, Н.Г.Николаева // Православный собеседник. Альманах Казанской духовной семинарии. – 2006. – Вып. 1 (11), ч. 1. – С. 151–158. (0,5 п.л.).
28. Николаева Н.Г. Современные переводы Ареопагитик на русский язык / Н.Г.Николаева // *Studia Rossica Posnaniensia*. – Poznań, 2005. – Vol. 32. – S. 91–97. (0,5 п.л.).
29. Николаева Н.Г. Специфика слова в Ареопагитиках и их славянском переводе / Н.Г.Николаева // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – Казань, 2006. – Т. 148, кн. 3. – С. 125–131. (0,7 п.л.).
30. Николаева Н.Г. Божественное имя (*nomen divinum*) в философии и языке Ареопагитских трактатов (На материале древнеславянского перевода) / Н.Г.Николаева // Вестн. Волгоградского ун-та. Сер. 2, Языкознание. – 2006. – Вып. 5. – С. 7–11. (0,4 п.л.).
31. Николаева Н.Г. Заметки по историческому словообразованию русского языка / Г.А.Николаев, Н.Г.Николаева // Славистика : Синхрония и диахрония : сб. науч.статей к 70-летию И.С.Улукханова. – М., 2006. – С. 512–523. (0,8 п.л.).
32. Николаева Н.Г. Язык и стиль трактатов Дионисия Ареопагита (перевод Паисия Величковского, XVIII век) / Г.А.Николаев, Н.Г.Николаева // «Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность» : сб. науч. трудов памяти З.М.Петровой (к 85-летию со дня рождения). – СПб., 2007. – С. 284–294. (0,8 п.л.).
33. Николаева Н.Г. Слово как образ и образ слова (на материале славяно-русских Ареопагитик) / Н.Г. Николаева // Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры : Конференция МАПРЯЛ, Болгария, Пловдив, 31 окт.–3 нояб. 2006 г. : сб. докладов. – Пловдив, 2007. – С. 76–81. (0,4 п.л.).
34. Николаева Н.Г. Проблема языка и стиля богословских сочинений (на

- материале переводов Ареопагитик XIX–XX вв.) / Н.Г.Николаева // Церковь и проблемы современной коммуникации. – Н. Новгород, 2007. – С. 121–132. (0,8 п.л.).
35. Николаева Н.Г. Субстантивная словообразовательная синонимия в славянском переводе «Богословия» Иоанна Дамаскина и ее значение для исторической лексикологии / Н.Г. Николаева // Русское слово в историческом развитии (XIV – XIX века) : материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXVI Международной филологической конференции. – Вып.3. – СПб., 2007. – С. 71–77. (0,3 п.л.).
36. Николаева Н.Г. Русское историческое словообразование в функциональном аспекте / Н.Г.Николаева // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология. – СПб. ; Вологда, 2007. – С. 29–50. (1,7 п.л.).
37. Николаева Н.Г. Дионисий Ареопагит и Иоанн Дамаскин: диалог в философии и языке / Н.Г.Николаева // Православный собеседник. Альманах Казанской духовной семинарии. – 2008. – Вып. 2(17). – С. 162–172 (0,8 п.л.).
38. Nikolaeva N.G. Erscheinungen des semantischen Synkretismus im Altslavischen und ihre Entsprechungen im Althochdeutschen / N.G. Nikolaeva // Слово в тексте, переводе и словаре. – Frankfurt am Main [и др.], 2002. – S. 35–42. – (Beiträge zur Slavistik ; Bd. 47). (0,5 п.л.).
- Тезисы докладов и выступлений на конференциях:**
39. Николаева Н.Г. Славяно-греческие лексические соответствия в древних евангельских текстах / Н.Г. Николаева // Язык, литература, культура : Традиции и инновации : материалы конференции молодых ученых. – М., 1993. – С. 31–32. (0,1 п.л.).
40. Николаева Н.Г. О языке древнерусского перевода трактатов Дионисия Ареопагита / Н.Г. Николаева // II Республиканская научная конференция молодых ученых и специалистов : тезисы докладов. – Казань, 1996. – Кн. 7 : Человек и общество. Гуманитарные науки. Филология. – С. 85. (0,1 п.л.).
41. Николаева Н.Г. Семантическое поле *любовь* в древнеславянском переводе трактата Дионисия Ареопагита «О божественных именах» / Н.Г. Николаева // Языковая семантика и образ мира : тезисы Международной научной конференции, посвященной 200-летию Казанского университета, Казань, 7–10 окт. 1997 г. – Казань, 1997. – Кн. 2. – С. 279–280. (0,1 п.л.).
42. Николаева Н.Г. Словообразовательные формы имен отвлеченного значения в языке трактата Дионисия Ареопагита «О божественных именах» / Н.Г.Николаева // Актуальные проблемы истории русского языка : тезисы докладов научной конференции, посвященной 70-летию проф. В.М.Маркова, Казань, 8–10 апр. 1997 г. – Казань, 1997. – С. 56–57. (0,1 п.л.).

43. Николаева Н.Г. Благо и добро : К истории славянских этических терминов (на материале древнеславянского перевода трактата Дионисия Ареопагита «О божественных именах») / Н.Г.Николаева // Язык. Культура. Деятельность : Восток – Запад : тезисы докладов 2-й Международной научной конференции, Набережные Челны, 24–26 августа 1999 г. – Набережные Челны, 1999. – Т. 2 : Филологические аспекты межкультурных коммуникаций. – С. 189–193. (0,3 п.л.).
44. Николаева Н.Г. Древнеславянские Ареопагитики и их роль в развитии книжно-письменного языка Московской Руси / Н.Г. Николаева // Язык образования и образование языка : материалы междунар. науч. конференции, Великий Новгород, 11–13 июня 2000 г. – Великий Новгород, 2000. – С. 218–219. (0,1 п.л.).
45. Николаева Н.Г. Субстантиваты в славяно-книжных текстах разных жанров / Н.Г.Николаева // II Славистические чтения памяти проф. П.А.Дмитриева и проф. Г.И.Софронова : материалы международной научной конференции, С.-Петербург, 12–14 сент. 2000 г. – СПб, 2001. – С. 114–116. (0,2 п.л.).
46. Николаева Н.Г. Картина времени в древнеславянском евангелии: **днь** / Н.Г. Николаева // Аванесовские чтения : международная научная конференция, Москва, 14–15 февр. 2002 г. : тезисы докладов. – М., 2002. – С. 202–203. (0,1 п.л.).
47. Николаева Н.Г. Представление о жизни в первых древнеславянских переводах Евангелия / Н.Г. Николаева // IV Славистические чтения памяти проф. П.А.Дмитриева и проф. Г.И.Софронова : материалы междунар. науч. конференции, С.-Петербург, 12–14 сент. 2002г. – СПб., 2003. – С. 98–99. (0,1 п.л.).
48. Николаева Н.Г. Предложно-приставочный параллелизм в славянских языках и его роль в формировании конфиксального способа словообразования / Г.А. Николаев, Н.Г. Николаева // Вторые Бодуэновские чтения : материалы междунар. конференции, Казань, 11–13 дек. 2003 г. – Казань, 2003. – С. 96–98. (0, 2 п.л.).
49. Николаева Н.Г. Палеографические и языковые особенности Богородичника XV века (рукопись из фондов Научной библиотеки Казанского университета) / Н.Г. Николаева // Русский язык : исторические судьбы и современность : II Международный конгресс исследователей русского языка, Москва, 18–21 марта 2004 г. : труды и материалы. – М., 2004. – С. 64. (0, 1 п.л.).
50. Николаева Н.Г. **ѡбразъ** в славянских ареопагитиках / Н.Г. Николаева // Русская и сопоставительная филология : состояние и перспективы : Международная научная конференция, посвященная 200-летию

- Казанского университета, Казань, 4–6 окт. 2004 г. : труды и материалы. – Казань, 2004. – С. 193–194. (0,2 п.л.).
51. Николаева Н.Г. Понятие ‘жизнь’ и представление о жизни в их отражении в языке древнеславянских богослужебных и богословских текстов / Н.Г. Николаева // Русский язык : Система и функционирование : материалы Междунар. науч. конференции, Минск, 18–19 мая 2004 г. : в 2 ч. – Минск, 2004. – Ч. 1. – С. 72–74. (0,2 п.л.).
 52. Николаева Н.Г. Влияние латинского языка на славяно-русские Ареопагитики / Н.Г. Николаева // Православный собеседник. Альманах Казанской духовной семинарии. – 2005. – Вып. 1 (11), ч.1. – С.159–162. (0,3 п.л.).
 53. Николаева Н.Г. Ареопагитики как основа знаний о мире и языке / Н.Г. Николаева // III Международные Бодуэновские чтения : И.А. Бодуэн де Куртене и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания, Казань, 23–35 мая 2006 г. : труды и материалы : в 2 т. – Казань, 2006. – Т. 1. – С. 200–202. (0,2 п.л.).
 54. Николаева Н.Г. Роль церковнославянского языка в истории словообразования славянских языков / Г.А. Николаев, Н.Г. Николаева // Церковнославянский язык : история, исследование, преподавание: материалы I Международной научной конференции, Москва, 28–30 сент. 2004 г. – М., 2005. – С. 64–67. (0, 3 п.л.).
 55. Николаева Н.Г. Славяно-русские Ареопагитики XVIII века / Н.Г. Николаева // Русский язык : Исторические судьбы и современность : III Междунар. конгресс исследователей русского языка, Москва, 20–23 марта 2007 г. : труды и материалы. – М., 2007. – С.77–78. (0,1 п.л.).
 56. Николаева Н.Г. Процессы терминологизации и детерминологизации в славяно-книжном языке (на примере слова *вещь*) / Н.Г. Николаева // В.А.Богородицкий : Научное наследие и современное языковедение : труды и материалы Международной научной конференции, Казань, 4–7 мая 2007г. : в 2 т. – Казань, 2007. – Т.1. – С. 161–163. (0,2 п.л.).
 57. Николаева Н.Г. Словообразовательные особенности «Богословия» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха Болгарского / Н.Г.Николаева // Слово и предложение: Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов, 2008. – С. 458–462. (0,4 п.л.).
 58. Николаева Н.Г. Проблемы современного перевода богословского текста / Н.Г.Николаева // Русский язык и культура в зеркале перевода : материалы Международной научно-практической конференции, Салоники, 14–18 мая 2008. – Салоники, 2008. – С. 169. (0,1 п.л.).